

УЭЙД ДЭВИС

ЗМЕЙ
И
РАДУГА

Удивительное путешествие
гарвардского ученого в тайные
общества гаитянского вуду,
зомби и магии

Издание книжного
магазина
«Циолковский»

Уэйд Дэвис
**Змей и Радуга. Удивительное
путешествие гарвардского
ученого в тайные
общества гаитянского
вуду, зомби и магии**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67144689

Змей и Радуга. Удивительное путешествие гарвардского ученого в тайные общества гаитянского вуду, зомби и магии: Книгократия;

Москва; 2022

ISBN 978-5-6046411-7-0

Аннотация

Всё, что мы знаем о зомби – это ложь. Уэйд Дэвис, молодой этноботаник, прибывает на Гаити в начале 80-х годов XX века, получив задание от своего научного руководителя: раздобыть и вывезти для дальнейших фармакологических исследований препарат, посредством которого осуществляется зомбирование. Раскрывающиеся в книге обстоятельства, связанные с этой зловещей практикой, встречи и беседы с людьми, подвергшимся зомбиривке, колдунами-специалистами по ядам и дурманам,

описания истории Гаити, научные занятия в библиотеках и лабораториях, скачки на лошадях с тонтон-макутами, ночное гробокопательство, – всё это делает «Змея и Радугу» – а это не абы кто, а главные действующие лица космогонического мифа культа водун (вуду) – выдающимся образцом приключенческой антропологии.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие. Левиафан Гаити	7
О правописании	15
Часть первая. Яд	18
I. Ягуар	18
II. Там, где почти смерть	33
III. Калабарская гипотеза	53
IV. Белые ночи живых мертвецов	74
V. Занятие по истории	109
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Уэйд Дэвис
Змей и Радуга.**

**Удивительное путешествие
гарвардского ученого
в тайные общества
гаитянского вуду,
зомби и магии**

© Simon & Schuster, Inc., as the original publisher, 2022

© ООО «Книгократия», 2022

* * *

Предисловие. Левиафан Гаити

С момента выхода книги, русский перевод которой вы наконец-то держите в руках, прошло уже более тридцати лет. За это время публика разделилась на два лагеря. Одни оказались восхищены неожиданным возвращением старой школы полевой (этнографической) работы, где изучение пыльных книг в библиотеке перемешано с живым опытом исследователя – в книге можно встретить и детально описанные полуночные магические ритуалы, и шатание в джунглях под воздействием психотропных веществ, и содержательные историографические описания гаитянского общества. Другие же оказались разочарованы приключенческим стилем изложения материала, буквально в духе Индианы Джонса: всё же автор был на тот момент докторантом Гарвардского университета, этноботаником, от которого многие ждали строгой монографии, а не художественных спекуляций вокруг темы зомби и гаитянской магии. Подверглись критике не только стиль повествования, но и ряд профессиональных находок автора и неточностей, которые не позволяют верифицировать пользу для ботаники от проделанной работы. Разделение остаётся актуальным и спустя десятилетия после выхода книги – это заметно по новым выходящим рецензиям (да-да, они до сих пор выходят!) и обзорам на книгу. Причина неугасающего интереса публики кроется в крайне необыч-

ном, искусно мистифицированном формате и стиле самого текста, рождающем противоречия у привыкшего к конкретике читателя. Что находится перед нами: книга по этноботанике или антропологическая работа по культуре вуду? Это художественный вымысел или реальные приключения полевого исследователя? Как воспринимать то, что написано: как развлечение или как полезный источник?

Не прибегая к раскрытию сюжета, который читатель непременно узнает сам, я бы хотел остановиться на том, что позволяет увидеть в этой книге немного большее, чем этноботаническое исследование, раскрывающее секрет оживших мертвецов, или же простой приключенческий роман. «Змея и радугу» можно читать, используя антропологическую оптику, попутно упражняясь в гипотетической реконструкции того, на чём держится гаитянское общество. В этом фокусе отпадают вопросы правды и вымысла, научного факта и мистификации. За каждым описанным фактом проявляется социальная ткань Гаити, явившаяся Дэвису, или искусно придуманная им, как участвующим наблюдателем. Почему и как возможно это антропологическое прочтение и почему это всего лишь упражнение для ума – об этом пару слов ниже.

Собственно, антропологическое прочтение становится возможным, если учитывать яркий и буквально уникальный контекст гаитянской культуры. Гаити является не только широко известным местом происхождения мифа (?) о ходячих

мертвецах и культа вуду, но и страной с необычной историей. Начиная с восстания Спартака в Римской республике в первом веке до н. э. и вплоть до Гаитянской революции (1791–1803) мировая история не знала столь масштабных примеров борьбы рабов против господ. Кроме того, Гаитянская революция стала первым успешным примером такого противостояния: в результате революции было образовано первое независимое государство в Латинской Америке. Оно не просто сбросило иго рабства, но пошло по долгому и сложному пути самостоятельного развития. Гаити стало, пусть и номинальной, но первой в мире республикой во главе с чернокожими. Почему (и как) это получилось именно в Гаити?

«Змея и радугу» невозможно читать, не удерживая в уме этот вопрос. Историографические, красочные описания Дэвиса погружают нас в мир противоречивой Гаитянской революции, в которой за первыми успехами следует череда драматических событий: кровопролитные столкновения между чернокожим населением и мулатами, противоборство между республиканскими началами и деспотическим управлением, постоянная смена суверенов, неравенство и раскол гаитянского общества. История независимого Гаити рисуется как бесконечная трагедия, нищета и насилие, в которой власть обретает порой комические формы: когда 26 августа 1849 года Сулук Фостен провозгласил Гаити империей, а себя – императором Фостеном I, члены Сената водрузили ему на голову дешёвую, сделанную в кустарных условиях корону из по-

крытого позолотой картона. Рисуя гаитянскую историю, Дэвис обращает наше внимание не только на уродливые формы власти, но и на экономическую нестабильность системы с аграрным вопросом тростниковых плантаций, постоянно воспроизводящееся неравенство и расовую сегрегацию. За этими описаниями представляемая нам история и традиция зомбификации начинает читаться сложнее, чем просто процедура биологического воздействия каких-то ядовитых растений на сознание и поведение людей. За практикой получения легитимного раба, прошедшего расчеловечивание, работающего на плантациях на своего хозяина, стоит гоббсовский вопрос социального порядка бывшей колонии, её Левиафана, – ведь история Гаити не сильно менялась за столетия и оставалась устойчивой вплоть до момента описания её Дэвисом.

Для Уэйда Дэвиса вуду становится одной из разгадок того, как устроено само гаитянское общество. Он показывает, как синкретический культ, достаточно сильно отличный от известных нам традиционных религий, в котором нет устоявшихся догм, нет иерархии и чёткой структуры, оказывает колоссальное влияние на социальную и политическую жизнь острова, цементируя его порядок. Дэвис рассказывает нам, что зомби не создаются случайным образом враждебными или жадными колдунами; зомбификация – это своего рода социальная санкция, которую тайные сообщества, описываемые им, применяют к людям, нарушающим пра-

вила совместного проживания. Зомбификация, как практика наказания и власти, существовала всегда: тайные общества долго процветали среди «марунов», сбегавших ещё в XVIII веке с французских плантаций на холмы Гаити, они сохранялись после обретения независимости среди чернокожих сельских жителей, которые выступали против городских мулатов-французов. Тайные общества были настолько укоренены, что ни один суверен не мог долго править (и даже жить) без поддержки этих тайных обществ – некоторые правители использовали общества для управления. Правительство Гаити, тайные общества и религия вуду всегда неразрывно связаны между собой, а зомбификация всего лишь инструмент социальной санкции, сдерживающей людей: власть и магия оказываются переплетены, образуя гаитянского Левиафана. Даже в самой практике отсылки зомби на работу на плантацию лежит функция воспроизводства рабовладения, где вместо рабов уже не люди, а всего лишь мертвецы – они и трудятся, собирая сахар для нужд местной слабой экономики.

Всё это звучит очень красиво. Однако стоит признать, что эти построения Дэвиса напоминают скорее мистификацию, вписанную в широкий социальный и исторический контекст, умело им применяемый для построения одной большой истории. Так, как отмечают многочисленные критики Дэвиса, профессиональные историки и антропологи, всё же не существует никаких подтверждений того, о чём пишет Дэвис.

Например, о широком импорте вудуистского культа через марунов и его необычайно влиятельном распространении в сельских регионах Гаити. Так же как не находят подтверждения массовые побегі рабов с плантаций, и их связь с тайными организациями. Вторичные источники, на которые ссылается Дэвис, сами неоднократно подвергались критике, а иногда и вовсе не содержат того, о чём заявляет Дэвис. Например, он ссылается на работу антрополога Мишеля Лягерра о тайных обществах вуду, как бы в подтверждение своих слов о влиянии этих обществ на бюрократические структуры Гаити с помощью зомбификации. Однако сам Лягерр никогда не утверждал ничего подобного, а в местах, где упоминаются схожие сюжеты, отмечено, что это пересказ расхожих слухов. Ко всему прочему, фармакологические утверждения о влиянии / содержании тех или иных веществ в описанных Дэвисом снадобьях (часто весьма комичных) позже не нашли подтверждения. Таким образом, объяснения Дэвиса являются в большей степени лишь поверхностными этюдами студента антрополога, жаждущего сенсаций. Учитывая это, книга Дэвиса остаётся скорее весёлым и крайне занятным упражнением для ума такого же антропологически настроенного читателя – яркие приключения, всевозможные догадки и теории о социальном порядке острова, решительные опыты над своим здоровьем.

Читая всё это, становится понятно, почему эта книга никого не оставила равнодушным и спустя десятилетия про-

должает приковывать к себе внимание. И вот теперь русскоязычные читатели получили возможность самостоятельно оценить труд Уэйда Дэвиса и занять одну из сторон. Как бы то ни было, книга Дэвиса написана потрясающим и увлекательным языком, и если снизить собственный критический подход к оценке излагаемых фактов – она может стать приятным погружением в мир свободного острова.

Сергей Мохов

*Моим родителям, профессору Ричарду Ивенсу
Шултсу, сделавшему это возможным, и Джону
Леннону*

*Он знал <...> историю короля Да, Великого
Змея, который воплощает вечное и непреходящее
начало и мистически предается любовным утехам
с Королевою Радугой, повелевающей всеми водами и
родовыми муками всех тварей.*

А. Карпентьер. «Царство земное»¹

¹ Отрывок из романа кубинского писателя Алехо Карпентьера-и-Вальмонта (1904–1980) «Царство земное» (1949) приведён в переводе на русский язык (1988) Александры Марковны Косс (1934–2010). * (Здесь и далее значком * выделяются примечания научного редактора, примечания издательства значком не выделены.)

Всё есть яд, и всё есть лекарство.
Парацельс²

² Переименованная цитата из позднего сочинения знаменитого врача и алхимика Парацельса (1493–1541) «Семь речей в свою защиту» (содержится в третьей речи, «оправдывающей выписку [автором] новых лекарственных рецептов»): «Все вещи суть яд, и содержится он во всякой. Лишь доза делает так, что перестаёт что-то быть ядовитым» (*Alle Dinge sind Gif, und nichts ist ohne Gif; allein die Dosis macht, daß ein Ding kein Gif sei*). *

О правописании

Вопрос о том, как правильно писать название традиционной религии Гаити, стал причиной кое-каких разногласий в академической среде. Слово *voodoo* пришло из наречия *фон*, на котором говорят в Дагомее (ныне Бенин) и Того. Значит оно всего-навсего «божок» или «дух». Однако в результате прискорбных искажений и неточностей в печати, а особенно в Голливуде, оно стало мнимым символом чёрной магии и колдовства. Антропологи пытались одновременно прояснить и обойти этот стереотип с помощью ряда альтернативных терминов, таких как *vodu*, *vodun*, *voudoun* и *vodoun*. Я следовал их примеру, поскольку считаю (как показано в моей книге), что колоритная религия традиционного гаитянского общества заслуживает признания, а то, что мы привыкли понимать как «вуду», совсем на неё не похоже. Я употребляю термин *vodoun*, поскольку он, как мне кажется, более точен фонетически. Тем не менее надо сразу оговориться, что сами гаитянские крестьяне не именуют свою религию этим словом. Практикуя закрытую систему верований в своём замкнутом мире, где выбирать особо не из чего, человек либо «служит *loa*», то есть – духам, либо не делает этого. По их разумению, *водун* есть не что иное, как особое событие, ритуальный танец, созывающий духов, которые вселяются в того, кто в них верует.

Чтобы не возникло двусмысленности, на протяжении всей книги я отсылаю к некому «водун-сообществу». Делается это как ради удобства, так и чтобы отразить позицию стороннего наблюдателя, а не верующего, которого эти духи окружают.

Написание слова *zombi* также продолжает оставаться предметом некоторых разногласий. Словарь Уэбстера отдаёт предпочтение более привычному *zombie*. А в моём экземпляре Оксфордского словаря данный термин и вовсе отсутствует. Это говорит о том, что увлечение американцев гаитянской экзотикой совпало с периодом оккупации острова [1916–1934]. В источниках в научной литературе тоже присутствует разноречивость. Сибрук³ (1929) пишет *zombie*, его примеру следует Дерен⁴ (1953). Метро (1972), Хаксли⁵ (1966) и Лейбурн⁶ (1941) напротив, предпочитают *zombi*. Метро –

³ Уильям Сибрук (1884–1945) – американский путешественник и журналист. Гаитянскому вуду посвящена его книга «Волшебный остров» (1929). *

⁴ Майя Дерен (1917–1961) – американский режиссёр и теоретик авангарда, в 1940-е гг. под влиянием Кэтрин Данэм (1909–2006) обратившаяся к изучению гаитянских культов, некоторое время жила на Гаити. Режиссёр документального фильма «Божественные всадники: Живые боги Гаити» (1953), завершённого в 1982 г. её мужем, японским композитором Тейцзи Ито (1935–2012). *

⁵ Американский антрополог Фрэнсис Хаксли (1923–2016), автор книги «Незримые: Вудуистские божества на Гаити» (1969). *

⁶ Американский антрополог Джеймс Грэм Лейбурн (1902–1993), автор книги «Люди Гаити» (1941). *

признанный авторитет в вопросах религии⁷, но у Дерен, как мне кажется, был теснее контакт с местным населением, и она остаётся важным источником, хотя это и не имеет прямого отношения к написанию термина.

Вопрос о происхождении слова намного интереснее. Всего вероятнее, это искажённое слово *nzambi*, означающее в языке народа *конго* «дух мертвеца». Вот ещё одно указание на африканские религиозно-социальные корни культа «вудун».

⁷ Альфред Метро (1904–1963) – швейцарско-аргентинский антрополог, занимавшийся исследованием гаитянского культа вуду, как и его вторая супруга Рода Метро (1914–2003). *

Часть первая. Яд

I. Ягуар

Первая встреча с человеком, который отправит меня на поиски яда гаитянских зомби, произошла сырым и паршивым днём в конце февраля 1974-го года. Мы сидели в кафе на Гарвард Сквер, я и мой сосед по комнате Дэвид. Детство этого парня прошло в горах на Западе. Смотреть за скотиной на его семейном ранчо – этим занимались ещё его бабушка с дедушкой. По гарвардским нормам Дэвид был груб и неотёсан настолько, что в Гарварде его с трудом терпели. Я

был родом с дождливого побережья Британской Колумбии. Мы подались на восток страны изучать антропологию, но после двух лет обучения нам обоим наскучило «про индейцев» просто читать.

Одну из стен кафе почти целиком занимала карта мира, которую, как я заметил, согреваясь за чашечкой кофе, Дэвид пристально изучал. Бросив взгляд на меня, затем на карту, он снова посмотрел на меня, только на сей раз его бородатая физиономия расплылась в широченной улыбке. Протянув к карте руку, он ткнул пальцем в клочок земли за Полярным кругом. Повторив его жест, я остановил свой выбор на верховьях Амазонки.

Дэвид покинул Кембридж в конце той же недели, а уже через месяц он оказался в посёлке эскимосов Ранкин-Инлет. Много месяцев пройдёт до нашей следующей встречи.

Мне, чтобы решиться отправиться на Амазонку, нужно было увидеться всего с одним человеком. Профессор Ричард Ивенс Шултс⁸ был тогда полумифической личностью в университетском кампусе. Как и многие студенты с отделения антропологии и вне его, я относился к профессору с почтением на грани благоговения. Один из последних исследователей в викторианском смысле слова, он был нашим героем во времена, когда с ними было туго, человеком, который,

⁸ Ричард Эванс Шултс (1915–2001) – американский ботаник, отец современной этноботаники. Автор исследований по использованию традиционных энтеогенов, или галлюциногенных растений, в особенности в Амазонке.

взяв отпуск ради сбора целебных растений на северо-западе Амазонии, провёл в лесу под дождём двенадцать лет.

Позднее, в тот же день пополудни, я тихо проскользнул на четвёртый этаж, где расположен Ботанический музей Гарварда. Сдержанная и скупая, спартанская, отделка музея разочаровала меня с первого взгляда. Гербарии были расставлены чересчур педантично, хранительницы слишком серьёзны. А потом я открыл для себя лабораторию. Биолaborатория это, как правило, донельзя чистое место, где в зарослях пробирок и трубок мигают датчики, а от запаха экспонатов чахнет свежесрезанная роза. Здесь всё было иначе. Вдоль одной стены, увешанной ритуальными масками, выстроился целый арсенал духовых ружей и дротиков. За стёклами дубовых шкафов красовались самые распространённые психоактивные растения планеты. Соседнюю стену покрывала древесная кора. Повсюду стояли образцы растительной продукции всевозможных форм и составов – колбы с эссенциями и маслами, образцы древесного каучука, наркотические лианы и яды рыб, статуэтки из чёрного дерева, домотканые коврики и верёвки, десятки стеклянных сосудов, которые «выдули» вручную⁹. В них плавали тихоокеанские фрукты с плодами, напоминающими звёзды.

Потом я заметил фотографии. На одной из них Шултс сто-

⁹ Стекловарение известно с глубокой древности. Простейшим устройством для «варки» (плавки) стекла из кварцевого песка является очаг с достаточно высокой температурой, трубка для «выдувания» стекла и дровяная печь для «закалки» изделия. *

ял в шеренге индейцев, грудь профессора украшали замысловатые узоры, тощее тело прикрывала травяная юбка и балахон из древесной коры. На другом снимке он, в позе ящера, застыл на краю глыбы песчаника, уставился на океан лесной муравы под ним. Фото номер три – грязное хаки, пистолет на ремне, профессор рассматривает письма на скале на фоне бушующего водопада. Эти сказочные образы было трудно отождествить с академической статьёю человека, бесшумно вошедшего в лабораторию.

– Ну, чем могу помочь? – спросил меня голос с отчётливым бостонским акцентом.

Оказавшись лицом к лицу с живой легендой, я оробел. Взбудораженный, я протараторил своё имя, место рождения (Британская Колумбия), сообщил, что кое-какие деньги от работы в лесничестве у меня остались, и что хочу отправиться на Амазонку для сбора растений. Про Амазонку я в ту пору знал совсем немного, а про растения и того меньше. Боялся, что начнут меня экзаменовать. Но вместо этого, неспешно окинув взглядом помещение, профессор присмотрелся ко мне сквозь старомодные окуляры очков, поверх стола, заваленного образцами растительности, и просто, без затей поинтересовался:

– Значит, на Амазонку за растениями. И когда бы вы хотели туда отправиться?

Две недели спустя состоялась финальная встреча, в ходе которой профессор Шултс вынул несколько карт и наме-

тил возможные маршруты. Помимо этого, он дал всего лишь два совета. В покупке прочных сапог нет нужды, говорил он, поскольку тамошние змеи обычно впиваются в шею, а вот пробковый шлем – вещь незаменимая. Потом профессор от всего сердца понадеялся, что я не вернусь с Амазонки, не отведав *аяхуаски*, вина, вызывающего видения, одного из мощнейших растительных галлюциногенов. В общем, я вышел из кабинета профессора с чувством, что очень многое теперь зависит от меня самого. Через две недели я отправился из Кембриджа в Колумбию, без пробкового шлема, но с двумя рекомендательными письмами в медельинский Ботанический Сад, и запасом денег, которых хватило бы на год, если их тратить с умом. На тот момент у меня не было ни планов, ни представления о том, как повлияет на мою дальнейшую жизнь та сумасбродная выходка в кафе на Гарвард Сквер.

Три месяца спустя я сидел в убогой забегаловке на севере Колумбии, лицом к лицу с большим оригиналом, географом, старым товарищем профессора Шултса. Неделей раньше он предложил мне прогуляться по болотам в северо-западном уголке этой страны в обществе английского журналиста-аристократа. Англичанина звали Себастьян Сноу¹⁰. Он уже побывал на Огненной Земле – в нижней точке континента, и

¹⁰ Себастьян Сноу (1929–2001) – английский путешественник, член Королевского географического общества, знаменит пешими экспедициями в труднодоступных областях мира.

собирался посетить Аляску. Местность, куда зазывал географ, это *Дарьенский разрыв*¹¹ – 250 миль бездорожья в дождевом лесу, отделяющем Колумбию от Панамы. Два года назад целый взвод британской армии, ведомый школьным приятелем Себастиана, несмотря на то что у них была связь по радиации, не избежал потерь, причём два человека погибло, о чём не сообщила печать. И вот теперь неугомонный журналист хочет показать, что маленький взвод людей, не отягощённый амуницией, может сделать то, чего не смогли его военные соотечественники – пересечь Разрыв благополучно.

К несчастью, сезон дождей был в разгаре – самое неподходящее время для таких экспедиций. Я уже имел кое-какой опыт пребывания в лесу под дождём, Сноу же, узнав, что я британский подданный, решил, что я готов сопроводить его куда угодно из солидарности. По его указанию, географ предложил мне должность гида и переводчика. Предложение показалось мне странным, если учесть, что в районе Дарьенского разрыва я не бывал ни разу. Тем не менее я согласился, не размышляя о назначении вплоть до вечера перед днём, когда мы отправлялись в путь. Тогда пожилая крестьянка изрекла, что меня ждёт, хотя я не особо просил.

¹¹ Дарьенский разрыв (или пробел) – большой участок джунглей на границе Центральной и Южной Америки. Располагается на территории Панамы (провинция Дарьен) и Колумбии (департамент Чоко), имеет размеры около 160 км на 50 км. На покрытой сельвой и болотами территории постройка дорог затруднительна, из-за чего Дарьенский разрыв является единственным (впрочем, постепенно уменьшающимся) разрывом Панамериканского шоссе.

Она подошла ко мне там, где дорога упирается прямо в лес, и похвалила мои светлые волосы, золотистую кожу и глаза цвета морской волны. Не успел я поблагодарить за комплимент, как она добавила, что всё это пожелтеет, пока мы доберёмся до Панамы. Ситуация усугубилась ещё и тем, что географ, знакомый с территорией намного лучше меня, загадочно пропал в ту же ночь.

Самыми тяжкими стали самые первые дни, когда нам пришлось пройти обширные топи к востоку от реки Аtrato. Разливаясь, она вынуждала нас преодолевать километры пути, шагая по грудь в воде. Однако по ту сторону Аtrato стало полегче, и мы без труда продвигались от одного поселения индейцев *чоко* или *куна*¹² к другому, на ходу добывая провизию и вербуя новых проводников. Серьёзные проблемы начались, когда мы попали в Явизу – жалкий городишко, маскируемый под «столицу» провинции Дарьен, на деле будучи отстойником для всевозможных человеческих отбросов из сопредельных стран.

В те дни панамская жандармерия получила чёткую инструкцию вести себя с иностранцами построже, а мы как раз оказались единственными *гринго*, застрявшими в этой приграничной дыре. Нас там ждали. На пропускном пункте в двух днях пути до западной части кордона заплывший жиром жандарм конфисковал наш единственный компас. Теперь нас обвиняли в контрабанде марихуаны. При всей аб-

¹² Индейские народы *чоко* и *куна*, населяющие Дарьенский разрыв. *

сурдности, это был повод арестовать наше снаряжение. Себастьян превзошёл сам себя, силясь доказать, что если кто-то орёт благим матом по-английски, то туземцы его непременно поймут. Однако им не понравился его спектакль. Дела наши и так были плохи, но они стали хуже некуда, когда сержант, исследуя наш арсенал, наткнулся на сбережения моего компаньона.

Настроение коменданта изменилось вмиг. Он предложил нам осмотреть столичные достопримечательности, а вечером снова с ним поговорить. Он улыбался нам во весь рот. Улыбка была широкой, как петля лассо.

Отшагав две недели, мы рассчитывали на несколько дней отдыха в Явизе, но наши планы изменились тотчас же после полученного предостережения. Покинув караулку, я доплыл на вёслах до пункта австралийской миссии, в надежде одолжить компас и планы местности, поскольку дальше лес был необитаемым. Один из миссионеров, встретив меня на причале, вёл себя как старый знакомый. Затем с серьёзным видом он сообщил, что по сведениям одного индейца, комендант замышляет перехватить нас в лесу и прикончить из-за денег. Миссионер этот, имея опыт жизни в здешних местах, настаивал на нашем скорейшем отъезде. Воротясь на гауптвахту, я незаметно изъял несколько предметов первой необходимости, уведомив коменданта о решении провести несколько дней в миссии, прежде чем продолжить путь вверх по реке.

Вместо этого, вооружившись двумя винтовками, заимствованными у австралийцев, мы покинули городишко до рассвета, в компании трёх проводников из племени *куна*.

И сразу же возникли проблемы. На случай погони индейцы повели нас окольным путём по каменистому дну реки. Себастьян споткнулся и сильно подвернул ногу. В тот первый ночлег мы узнали, каково это – спать на земле, когда сезон дождей в разгаре. Тщетно пытаюсь согреться, я и трое индейцев жалюсь друг к другу, поочерёдно занимая место в середине. Никто не спал. Под конец второго дня я начал подзревать, что эти жители прибрежных районов скверно знакомы с лесной чащей, а на третьи сутки я убедился, что они в ней совсем не ориентируются.

Нашим конечным пунктом был строительный лагерь в Санта-Фе, восточный конец отводной полосы Панамериканского шоссе в те годы. От силы двухдневный переход занял целую неделю.

Когда ты заблудился, важно не то, на сколько дней, а то, что никогда неясно, доколе. Это и гложет тебя ежесекундно. Мы добывали пищу с помощью ружей, но её постоянно не хватало, а утренние и вечерние ливни лишали нас отдыха. И всё-таки мы ежедневно проводили много часов на ногах, а в сезон дождей лес – жуткое место для тех, кому нечем защититься от природы. Травма Себастьяна не заживала, и как он ни держался, мы всё равно отставали из-за него. Зной и пёстрая натура вокруг, казалось, слились воедино, изыскан-

но-красивые существа несли заразу, и даже тенистая зелень всевозможных обличий и вида таила в себе угрозу жизни. Бессонными и сырыми вечерами, сидя в слякоти под проливным дождём, я стал ощущать себя кубиком сахара, который вот-вот растворится.

Самый неприятный случай произошёл утром седьмого дня. Час назад покинув место, где ночевали прошлой ночью, мы столкнулись с первой живой душой с тех пор, как вышли из Явизы. Это был тихо помешанный лесоруб-одиночка, занятый устройством сада на расчищенном от зарослей участке. Когда мы спросили его, как добраться до Санта-Фе, он, не в силах сдержать смех, указал пальцем на едва различимую тропинку. Если идти в темпе, пояснил он нам, и повезёт, можем попасть туда через две недели. Его слова прозвучали настолько гнетуще, что мы не хотели верить своим ушам. Вымотанные морально и физически, с запасом патронов от силы на два-три дня... Но, не имея иного выбора, мы продолжили путь. Впереди шёл я с ружьём, потом Себастьян, а за ним трое индейцев. Мы шагали бодро до тех пор, пока лесная чаща не обступила нас вплотную. Дальше мы шли как во сне. Ничего не хотелось, и решимость нас покинула.

Пребывая в трансе, я видел, как в двадцати метрах от меня выпрыгнул чёрный ягуар. Замерев на мгновение, он отвернулся и сделал несколько широких шагов в предполагаемом направлении Санта-Фе, прежде чем, подобно призраку, снова исчезнуть в зарослях.

Его заметил только я, но оно было вполне реально, это предзнаменование, поскольку до Санта-Фе вместо двух недель мы добрались всего за двое суток. Тем же вечером мы нашли тропу, которая вывела нас на отросток шоссе. Всё это было испытанием нашей воли, и когда мы после стольких дней в тени вырвались на солнышко, Себастьян обнял меня со словами «пути Господни неисповедимы».

Тем вечером мы разбили лагерь возле чистого ручья и зажарили дикую индейку, добытую одним из индейцев *куна*, а потом заснули под звёздным небом. И наконец-то ночью не было дождя.

На следующее утро я встал рано, уверенный, что смогу добраться до Санта-Фе в течении дня. Наконец-то в желудке у меня не было пусто, а мысли не омрачала неопределённость. Я упивался свободой – путь открыт! – с неведомым доселе энтузиазмом. Ускорив шаг, я вскоре оставил моих спутников позади. Дорога вначале представляла собой извилистую тропу, снова и снова огибавшую эти места, как в сонном лабиринте. Однако уже через несколько миль она вывела меня на гребень холма, откуда внезапно открылся вид на Панаме-риканское шоссе – пустынный и плоский коридор стометровой ширины, уходящий за горизонт.

Словно олень на просеке, я инстинктивно отшатнулся, на миг поражённый открывшимся простором. Затем стал двигаться медленней, с опаской. Мои чувства, обострённые как никогда, отмечали малейшее трепетание и каждое движение.

Ни спереди, ни сзади меня не было ни души, а лес отступил к склонам каньона. Больше ни разу не ощущал я такой свободы. Мне было двадцать лет и я, казалось, очутился именно там, куда мечтал попасть.

Прежде чем покинуть весенний Бостон, я пожелал себе «не убояться одиночества и бытовых неудобств, *чтобы понять*». Теперь, как мне казалось, у меня появились необходимые средства, и случайное свидание с ягуаром подтверждало, что природа на моей стороне. Пройдя Дарьенский разрыв, я рассматривал задания профессора Шултса как некие ребусы, интуитивное понимание которых может забросить меня в пределы, недоступные воображению. Смысл этих загадок я усваивал, как растение впитывает влагу, спокойно и без натуги. Со временем «дарьенский поход» сделался всего лишь одним из этапов этноботанического ученичества. В результате я обошёл западную часть Южной Америки почти полностью.

Учёную степень антрополога я получил в 1977 году. Два следующих года прошли вдали от тропиков, на севере Канады. Затем я вернулся в Гарвард как ученик профессора Шултса.

Шултс был не просто застрельщиком авантюры. Во всём том, *что и как* делалось в ходе экспедиций, были видна его сильная рука и личный пример, а «изучение растительных препаратов у туземцев» служило не более чем правдоподобной формулировкой их цели. Он провёл тринадцать лет на

Амазонке, поскольку был уверен, что индейская медицина способна дать препараты, жизненно важные для всего человечества. Сорок пять лет назад он был в числе тех немногих, кто изучал особые свойства *кураре*, яда, которым туземцы смачивают наконечники охотничьих копий и стрел.

Обезьяна, поражённая дротиком с этим ядом, утратив контроль над мышцами своего тела, сразу падает к ногам охотников с верхушки дерева. Нередко причиной смерти животного становился удар о землю, а не токсичное вещество. Химический анализ охотничьих снадобий позволил получить *d-тубокурарин*, мощный мышечный релаксант, широко применяемый в хирургии. Виды, выделяющие кураре – малая толика из 1800 растений с медицинским потенциалом, открытых Шултсом только на северо-западе Амазонии. Он знал, что как в соседних точках региона, так и по всему миру ждут своей очереди тысячи других видов. На их поиски он нас и посылал. Так я подошёл к важнейшему эпизоду моей научной карьеры.

В конце дня (это был понедельник в начале 1982-го) мне позвонила секретарь профессора Шултса. Я как раз читал лекции его студентам начальных курсов, и решил, что мне предстоит обсуждать успехи студентов из моей группы. Войдя в кабинет с занавешенными окнами, я застал наставника за рабочим столом. Он поздоровался, не глядя в мою сторону.

– А у меня для тебя кое-что есть. Кое-что любопытное, –

он вручил мне адрес доктора Натана Клайна¹³. Этот психиатр считался первопроходцем в области психофармакологии – дисциплины, изучающей воздействие наркотиков на мозг. Именно Клайн с горсткой единомышленников ещё в пятидесятые бросил вызов ортодоксальному фрейдизму, утверждая, что по крайней мере отдельные психические расстройства, будучи результатом химического дисбаланса, могут быть приведены в норму с помощью подходящих веществ.

Его опыты привели к разработке *резерпина*¹⁴, ценного транквилизатора, добываемого из индийского змеиного корня. Это растение использовалось в ведической медицине на протяжении тысячелетий. Прямым результатом стараний доктора Клайна стало сокращение пациентов в психиатрических клиниках США с полумиллиона в пятидесятых годах до ста двадцати тысяч в наши дни.

¹³ Натан Шелленберг Клайн (1916–1983) – американский учёный, исследователь в области психологии и психиатр, известный работой с психофармакологическими препаратами. Оказав влияние на разработку самых первых антипсихотических и антидепрессантных препаратов в 1950-х годах, Клайн часто считается отцом психофармакологии.

¹⁴ Резерпин (*Reserpinum*) – 3,4,5-триметоксибензоат метилрезерпата. Индольный алкалоид, выделенный из растения *Rauwolfia serpentina*. Впервые искусственно синтезирован Робертом Бёрнсом Вудвордом в 1956 году. Первоначально, до появления современных нейролептических средств, резерпин применяли для лечения психических заболеваний. В настоящее время резерпин как антипсихотическое средство применяют редко, в основном его используют как антигипертензивное средство для лечения артериальной гипертензии. Назначают чаще в сочетании с другими антигипертензивными средствами (диуретики и др.).

Однако этот успех обернулся палкой о двух концах, сделав особу учёного темой для толков и пересудов. Один научный репортёр даже провозгласил Клайна патроном всех городских сумасшедших Нью-Йорка.

Шултс вышел из-за стола, чтобы ответить на звонок. Закончив разговор, он спросил меня, готов ли я, недели эдак через две, отправиться на Гаити?

II. Там, где почти смерть

Два дня спустя на пороге манхэттенской квартиры на Ист-Сайд меня встретила потрясающе красивая особа с пышной

причёской в стиле моделей Ренуара¹⁵.

– Мистер Дэвис? – мы с ней пожали друг другу руки. – Я – Марна Андерсон, дочь Натана Клайна. Милости прошу.

Резко оборотившись, она провела меня через белоснежный, будто бы больничный коридор в комнату, пестрящую красками. Обойдя огромных размеров банкетный стол, ко мне приблизился невысокий мужчина в полотняном белом костюме, под которым был виден парчовый жилет.

– Стало быть, вы – Уэйд Дэвис. А я – Натан Клайн. Рад, что вы смогли добраться.

Кроме нас в комнате было человек девять. Представляя каждого гостя по отдельности, Клайн делал это формально, давая понять, что никто из них не представляет интереса. Он задержался только возле старика, неподвижно сидевшего в углу.

– Разрешите познакомить вас с моим давним коллегой – профессор Хайнц Леман, бывший завкафедрой психиатрии и психофармакологии в Университете Макгилла.

– О, мистер Дэвис, – тихо произнёс профессор. – Рад слышать, что вы тоже подключились к нашей маленькой авантюре.

– Как, я уже «подключился»?

– Само собой. Впрочем, там видно будет.

Клайн проводил меня к дивану, где, попивая коктейль,

¹⁵ Огюст Ренуар (1841–1919) – французский художник-импрессионист, мастер женского портрета. *

болтали трое милых, но безликих дам. После короткого обмена сплетнями последовали несколько обременительные расспросы, кто я и что я по жизни. Я сбежал от них при первой возможности и, петляя между гостей, протиснулся к стойке с напитками. Комната ломилась от произведений искусства – гаитянская живопись, старинные игры и головоломки, персидский шкаф с позолотой, «рощица» незатейливых флюгеров индейского производства, подвешенные под потолком паровозики.

Огни большого города выманили меня на балкон. Низкие тучи скользили в тёмных коридорах, медленно поглощая вершины небоскрёбов, а снизу долетало шуршание шин, скользящих по мерцающей мостовой. Сквозь стекло балконной двери мне было видно, как шустро носится по комнате Клайн, выпроваживая последних гостей.

Делал он это с нарочитой бравадой старика, щеголяющего прытью не по возрасту, которую ты должен оценить. Роль врача была ему не к лицу, он больше походил на тщеславного поэта. С другой стороны, худой, высокий и хрупкий Леман смотрелся прирождённым психиатром, и меня так и манило узнать, чему бы себя посвятил этот человек в эпоху, когда люди ещё не были готовы изливать душу психоаналитикам.

Марна составила компанию отцу на пороге квартиры. Взявшись за руки, они прощались с гостями. Видно было, как она близка с папой. Взгляд отца и жест дочери последовали одновременно и выманили меня с балкона.

Когда не стало посторонних, комната как-то странно ожила. Леман, заметно расслабившись, встал в центре комнаты с ободряющей улыбкой.

– Позвольте мне прояснить обстановку, чтобы вы не подозревали неладного отныне, мистер Уэйд. Профессор Шултс рассказал нам о вашей страсти к необычным местам. *Мы собираемся отправить вас на границу смерти*. И если то, о чём вы сейчас услышите – правда (а мы почти уверены, что так оно и есть), то есть на свете мужчины и женщины, застрявшие в нескончаемо длящемся «сейчас», там, где прошлое ушло в небытие, а будущее состоит из страха и несбыточных желаний.

Я с недоверием взглянул сначала на него, затем на Клайна, который машинально продолжил речь Лемана.

– Сложность номер один – определить, когда мёртвый мёртв на самом деле, – сказав это, Клайн сделал паузу, тщательно изучая мою реакцию на свои слова. – Точная диагностика смерти – проблема многовековая. Петрарку едва не похоронили заживо¹⁶. С точной её диагностикой не всё обстояло просто у древних римлян. Писания Плиния Старшего полны сообщений о людях, в последнюю минуту снятых с

¹⁶ В одном из «Писем, написанных в старости» (*Epistolae seniles*. XI:17) итальянский поэт Франческо Петрарка (1304–1374) красочно вспоминает, как однажды впал в летаргический сон на тридцать часов кряду, и по Италии до его пробуждения успел разнестись слух о его смерти. Описание этого случая приведено в книге Лайелла Уотсона (1935–2008) «Ошибка Ромео: Что есть на самом деле жизнь и смерть» (1975), несомненно, известной Дэвису. *

погребального костра¹⁷. Чтобы пресечь подобные недоразумения, римскому императору пришлось законодательно запретить предавать покойника земле ранее, чем через восемь суток после смерти.

– Что и нам не помешало бы, – вмешался Леман. – Вспомни тот случай в Шеффилде!

Ответив коллеге кивком, Клайн повернулся ко мне:

– Чуть менее пятнадцати лет тому назад группа британских медиков, экспериментируя с портативным кардиографом в шеффилдском морге, зафиксировала признаки жизни у девушки, умершей от передозировки наркотиков.

– Почти тогда же имел место ещё более сенсационный случай, – добавил Леман с улыбкой. – Причём, здесь, у нас в Нью-Йорке. Вскрытие в городском морге было прервано после первого надреза на трупe. Пациент вскочил и схватил за горло врача, который тут же скончался от шока.

Я глядел на моих собеседников, тщетно скрывая нарастающий ужас. Их голоса звучали по-стариковски обстоятельно и бесстрастно. Близость грядущей смерти пропитала их мозги настолько, что неотвратимость этого процесса стала для

¹⁷ Отсылка к фрагменту «Естественной истории» (VII, 53) Плиния Старшего (I в. н. э.). Плиний повествует о «ложной смерти» консуляра в 33 г. до н. э. по имени Маний Ацилий Авиола и претора в 42 г. до н. э. по имени Луций Элий Ламий. Авиола якобы очнулся на погребальном костре (римляне практиковали кремацию), но сгорел после этого в пламени, а Луция Ламию, ожившего после смерти, успели с костра снять. Завершает главку Плиний философски: «Мы рождаемся для этих и подобных уда ров судьбы, так что человеку нельзя верить даже смерти» (пер. А. Н. Маркина). *

них забавной. Я был вынужден то и дело напоминать себе, что передо мною светила американской науки, чья деятельность удостоена наивысших наград.

– Согласно определению смерти она представляет собой *необратимое прекращение жизненных функций*, – Клайн, со мкнув ладони, с улыбкой откинулся в кресле.

– Но что именно следует считать их «прекращением», и как в точности обозначить каждую функцию в отдельности?

– Дыхание, пульс, температура тела, трупное окоченение... что там ещё? – неуверенно подсказал я, всё ещё не понимая, на что намекают оба научных светила.

– Когда как. Дыхание порой продолжается при неуправляемых колебаниях диафрагмы. Кроме того, его отсутствие может означать «приостановку», а не полное прекращение. Что касается температуры, людей то и дело извлекают живыми из-под льда и сугробов.

– Глаза мертвецов также не ни о чём не говорят, – добавил Леман. – Мышцы зрачка после смерти могут сокращаться часами. Разве что цвет кожи...

– Едва ли подходящий пример, – Клайн зыркнул на Лемана, недовольный тем, что его прервали. – «Смертельная» бледность у людей, имеющих от природы белую кожу, ещё ни о чём ни говорит. Относительно пульса: любой снижающий давление препарат может сделать биение сердца неразличимым. Например, при глубоком наркозе присутствуют все главные признаки смерти: внешне незаметное дыхание,

вялый и замедленный пульс, пугающе низкая температура, полная неподвижность.

Плеснув себе бренди, Клайн подкрепил свои доводы цитатой из классики:

Ни теплоты не станет, ни дыханья;
Ничто не обличит, что ты живёшь¹⁸.

– Говорит это Джульетте брат Лоренцо у Шекспира, господа. Пожалуй, самая знаменитая в нашей литературе отсылка к летаргическому сну живой души, вызванному неподобающими снадобьями.

– Итак, – резюмировал Леман. – Удостовериться в смерти можно лишь двумя способами. Один из них, по всем параметрам непогрешимый, предписывает произвести кардиограмму и провести сканирование мозга, что невозможно без дорогостоящего оборудования. А второй, самый надёжный, это признаки разложения. Оба требуют времени.

Выйдя из комнаты, Клайн принёс один документ на французском, предложив мне ознакомиться с его содержанием. Это было свидетельство о смерти, датированное 1962 годом. Усопшим в нём числился некто Клервиус Нарцисс.

– Проблема в том, – пояснил Клайн, – что сей Нарцисс и теперь живее всех живых. Он снова поселился у себя в долине реки Артибонит, это центр Гаити. Родня в один голос

¹⁸ Уильям Шекспир. «Ромео и Джульетта». Перевод А. Григорьева.

твердит, что этот человек пал жертвой культа *вуду*, и вскоре после погребения был извлечён из могилы в состоянии *зомби*.

Зомби... В голову лезла дюжина банальных вопросов, но я промолчал.

– То есть живой мертвец, – уточнил Клайн и продолжил, – вудуисты верят в то, что покойников можно оживлять с целью продажи бедняг в рабство. Во избежание столь печальной участи, родные и близкие могут и «прикончить» труп своего близкого вторично, пронзив ножом сердце или отделив голову от тела, пока оно лежит в гробу.

Переводя взгляд с Клайна на Лемана, я пытался оценить степень серьёзности одного и другого. Их дуэт выступал слаженно. Клайн обрисовывал идеи на грани научной фантастики, а Леман не давал беседе выйти за рамки здравого смысла. Впечатление стало сильнее, когда он тоже заговорил о зомби.

– Случай с Нарциссом не первый в нашей практике. Мой воспитанник Ламарк Дуйон ныне заведует Психоневрологическим Центром в Порт-о-Пренсе. Сотрудничая с доктором Дуйоном, мы регулярно проверяли все сообщения о фактах зомбирования. Нам не везло годы напролёт, пока в 1979 году не произошёл прорыв, и в сферу нашего внимания попало сразу несколько личных дел, лишь одно из которых касалось Нарцисса.

Самой недавней из жертв, по словам Лемана, стала некая

Натажетта Жозеф, примерно шестидесяти лет от роду, якобы убитая в споре за участок земли в 1966-м году. Четырнадцать лет спустя в районе родной деревни её заметил и опознал тамошний полицейский, тот самый, что когда-то, за отсутствием врача, констатировал смерть этой гражданки.

Среди зомби помоложе фигурирует некая Франсина Иллеус, по прозвищу «Мадам Ти», которая официально умерла в 30-летнем возрасте 23 февраля 1976-го года. Перед смертью она страдала проблемами с пищеварением, и была помещена в госпиталь округа Сен-Мишель. Спустя несколько дней после выписки она скончалась в своём доме, и её смерть была заверена местной магистратурой. На сей раз всё подстроил ревнивый муж. В деле Франсины были две примечательных детали – три года спустя её узнала мать по шраму на виске, полученному в детстве, а откопанный впоследствии гроб оказался до отказа наполнен камнями.

Затем, в конце 1980-го года гаитянское радио объявило, что в северной части острова обнаружена группа лиц, явно бродивших бесцельно в неадекватном состоянии. Крестьяне, решив, что это зомби, сообщили о них местным властям, после чего несчастные были отправлены в большой город Кап-Аиттъен и отданы под опеку военного коменданта. С помощью военных медиков большую часть предполагаемых зомби удалось вернуть в родные деревни, подчас расположенные довольно далеко от мест, где их нашли.

– Эти три примера, при всей их несуразности, выглядят

наиболее убедительно в потоке других сообщений гаитянской прессы на аналогичную тему, – отметил Леман.

– В деле Нарцисса есть одно важное обстоятельство, – продолжил Клайн. – Он умер в американской гуманитарной миссии, где принято тщательно фиксировать происходящее.

Сказав это, Клайн перешёл к подробному описанию невероятной истории, в центре которой оказался простой гаитянин Клервиус Нарцисс.

Весной 1962 года в неотложку клиники Альберта Швейцера в Дешапеле¹⁹, долина реки Арбитон, обратился сорокалетний крестьянин. Его записали под именем Клервиус Нарцисс 30-го апреля в 09:45, с жалобами на лихорадку, боль в теле и общее недомогание. Кроме того, Нарцисс харкал кровью. Состояние больного стремительно ухудшалось, и 2-го мая 13:15 он скончался в присутствии двух дежурных врачей, один из которых был американец. Там же, в клинике, находилась его сестра Анжелина, немедленно оповестившая о случившемся родных и близких покойного. Вскоре после кончины Нарцисса появилась и старшая сестра Мари-Клер, приложив вместо подписи большой палец. Тело убрали в холодильник, где оно пролежало двадцать часов, а затем, 3-го мая в 10 утра Клервиус Нарцисс был похоронен на неболь-

¹⁹ Больница, названная в честь немецкого врача и филантропа, лауреата Нобелевской премии мира Альберта Швейцера (1875–1965), была открыта в городе Дешапель на Гаити американским врачом и филантропом Ларри Мэллоном-младшим (1910–1989) в 1956 г. и действует поныне. Оказывала помощь пострадавшим от землетрясений 2010-го и 2021-го гг. на Гаити. *

шом кладбище к северу от его родной деревни Л'Эстёр. Десять дней спустя родня украсила захоронение могильной плитой из бетона.

Прошло восемнадцать лет, когда на сельском рынке к Анжелине Нарцисс подошёл человек, назвавшийся детским прозвищем её покойного брата, известным только ближайшим членам семьи. Мужчина настаивал, будто он и есть тот самый Клервиус, утверждая, что его превратили в зомби из-за спора вокруг земельного участка с ещё одним братом.

Согласно действующему на острове кодексу Наполеона²⁰, землю следует делить между потомками мужского пола. По словам Нарцисса, он отказался продавать свою часть наследства, и тогда его братец в припадке гнева подрядил колдунов, чтобы те сделали из него зомби. Непосредственно после оживления он был избит, связан и отконвоирован на север страны, где провёл два года с другими зомби-рабами, пока, наконец, прикончив хозяина, они не разбрелись кто куда.

Дальнейшие шестнадцать лет Нарцисс скитался по острову, опасаясь мести злопамятного брата, и осмелился вернуться в родные края, лишь получив известие о смерти своего мучителя.

Эта история получила значительную огласку как на Гаи-

²⁰ До провозглашения независимости в начале 1804 г. на западе острова и последовавшего геноцида белого населения, Гаити был французской колонией Сан-Доминго (1659–1803). Гражданский кодекс Наполеона, оказавший значительное влияние на законодательство французских колоний, в том числе Гаити, во Франции был принят в 1801–1804 гг. *

ти, так и за его пределами. Корпорация Би-би-си даже направила туда съёмочную группу, чтобы сделать по рассказу Нарцисса документальную короткометражку. А тем временем доктор Дуйон рассматривал разные способы, как проверить, были ли «измышления» Нарцисса правдой. Вскрытие могилы едва ли могло служить доказательством. Если этот человек врёт, при помощи сообщников он давно избавился от настоящих костей. С другой стороны, если Нарцисса действительно достали оттуда в виде зомби, устроители этой аферы могли подложить на его место другой, уже не пригодный для опознания труп.

Вместо этого, работая непосредственно с членами семьи, Дуйон продумал несколько вопросов о детских годах Нарцисса, на которые не мог ответить даже самый близкий его детский товарищ, только домочадцы.

И Дуйон настаивал, что Нарцисс ответил на них правильно.

Более двухсот односельчан также были убеждены, что их земляк вернулся с того света. К моменту приезда англичан Дуйон успел убедить в этом даже самого себя. В довершении всего этого телевизионщики передали копию свидетельства о смерти в Скотланд-Ярд, чьи эксперты подтвердили, что большой палец, след от которого остался на документе, действительно принадлежит Мари-Клер.

Чтобы проникнуться тем, сколь серьёзна эта вереница умозаключений, мне понадобилась небольшая пауза. Я встал

и вышел из сигаретного дыма, в котором клубилась добрая дюжина мыслей и вопросов без ответа.

– Как проверить, что это не искусный подлог?

– Чей подлог и чего ради? – парировал Клайн. – Зомби на Гаити – отбросы общества. С какой стати прокажённому щеголять своим уродством в Гайд-парке?

– Выходит, по-вашему, Нарцисса закопали живым?

– Выходит, что так, если только вы не верите в колдовство.

– Откуда в гробу кислород?

– Стоит отметить, – вмешался Леман, – что вред, вызванный кислородным голоданием, должен прогрессировать.

– В каком смысле?

– Без кислорода отдельные клетки головного мозга отмирают за несколько секунд. И не восстанавливаются, поскольку, да будет вам известно, мозговая ткань не подлежит регенерации. Однако более примитивные части мозга, регулирующие жизненно важные функции, могут выдержать и более пагубную нагрузку. При определённых обстоятельствах человек может, утратив личность и часть мозга, ответственную за управление его телом и мыслями, продолжить жить в состоянии «овоща», потому что жизненные центры в мозгу уцелели.

– Точнейшее описание зомби с гаитянской точки зрения, – отметил Клайн. – Лишённый личности и воли кретин.

По-прежнему сомневаясь, я посмотрел на Клайна.

– Вы хотите сказать, что их такими делает мозговая трав-

ма?

– Вовсе нет. По крайней мере, не в прямом смысле слова. В конце концов, смерть Нарцисса констатировали официально. Должно быть материальное объяснение, и мы считаем, что это некий препарат.

Теперь-то я понял, чего от меня хотят.

– Лет тридцать назад я впервые столкнулся со слухами об особых ядах, обращающих в зомби, – сказал Клайн. – Попав на Гаити, я тщетно пытался раздобыть образец такого вещества за первые несколько лет. Знакомый жрец вуду сообщил мне, что ядом опрыскивают порог намеченной жертвы, и она проникает в организм через ступни босых ног. Он также утверждал, что для процедуры воскрешения требуется противоядие с другой формулой. Это совпадает с недавними отчётами как Дуйона, так и материалам Би-би-си.

– Дуйон привозил нам пробу этого предполагаемого «зомби-яда» несколько месяцев назад, – продолжил Леман. – Испытания на крысах не дали никаких результатов. Зато бурый порошок, полученный нами от корреспондента Би-би-си, показался куда более интересным. Сделав из него эмульсию, мы смазали ею брюхо подопытным обезьянам, что заметно снизило активность этих животных. Но состав порошка нам совершенно неизвестен.

Мрачная физиономия Лемана преобразилась; глаза его сверкали. Он заразил меня своим энтузиазмом. Почему бы и нет – препарат, замедляющий обмен веществ и делающий

жертву похожей на мертвеца. Само собой, если его применять в нужных дозах. А правильная доза противоядия оживит ложно умершего в подходящее время. Медицинский потенциал такого лекарства грандиозен, и Клайну это явно известно.

– Возьмём хирургию, – не унимался он. – Кому-то предстоит операция. Что надо знать наверняка?

Я не успел ответить.

– Квалификацию хирурга? Допустим, но большая часть операций делается по шаблону. Никто не в курсе главной опасности, которая уносит жизни сотен пациентов ежегодно.

Леману не терпелось закончить мысль своего коллеги, но Клайн лишил его удовольствия сделать это.

– Анестезия. Каждый случай – отдельный эксперимент по прикладной фармакологии. В распоряжении анестезиолога есть формулы химических соединений и его излюбленные препараты, но комбинирует он их здесь и сейчас, в зависимости от вида операции и состояния пациента. Каждый случай – уникальный эксперимент.

– Уникальный и рискованный, – добавил Леман.

Держа пустой стакан для бренди, Клайн смотрел через него на свет лампы.

– Любую неудобную истину мы прячем от самих себя по-дальше, превращая её в иносказание, – вымолвил он, возвращаясь к столу. – Общая анестезия – вещь немаловажная, часто неизбежная и всегда опасная. Неловко иметь с ней де-

ло всякому, а врачам тем паче. Отсюда наши шутки на тему: «вырубить» кого-то. Как будто это так просто. Дело, допустим, и в самом деле нехитрое. А вот вернуть человека в прежнее состояние в целости и сохранности, увы, не так-то просто.

Клайн помолчал.

– Открытие нового лекарственного средства для анестезии, которое делает пациента полностью нечувствительным к боли и неподвижным, вкупе с таким же безвредным препаратом, возвращающим его в обычное состояние, совершит революцию в современной хирургии.

– А кое-кому принесёт кучу денег, – теперь перебил его я.

– Только ради врачебной науки, – настаивал Леман. – Вот почему нам нужно проверять все сообщения о перспективных средствах анестезии. И яд зомби, если он, конечно, существует, так же требует тщательного изучения.

Клайн расхаживал по комнате с видом человека, который уже вне себя от неведомых, обуревающих его мыслей.

– Анестезия это только начало. Однажды люди из Космического Агентства спросили меня о возможностях применения психоактивных препаратов в своей программе. Ничего не сказав конкретно, они дали понять, что их интересуют успокоительные средства для астронавтов во время длительных межпланетных перелётов. Яд зомби в экспериментах по введению в сон мог бы оказаться весьма кстати.

Леман с нетерпением глянул на Клайна.

– Формула этой отравы – вот что нам нужно от вас, мистер Дэвис.

Я ждал этих слов, но то, что они были прямо произнесены, заставило меня резко встать из-за стола. Я подался было к стеклянным дверям, чувствуя себя мухой в паутине их цепких перекрёстных взглядов. Я обернулся:

– А со мной кто будет на связи?

– С вами будет контактировать Дуйон. И, может, вам попробовать позвонить в Би-би-си и поговорить с их корреспондентом.

– И больше у вас никого?

– Это все, кого мы знаем.

– А финансовые расходы?

– У нас кое-что отложено. Присылайте нам счета.

Вопросов больше не было. Эти двое напоминали два струящихся потока. Клайн – шумный и бурный. Леман – извилистый, журчащий. Их объединила решимость действовать сообща. В кратком изложении Клайна моё задание было таково: попасть на Гаити, наладить контакт с настоящими колдунами вуду, раздобыть яд и противоядие, пронаблюдав процесс приготовления и зафиксировав в письменном виде применение этих веществ на практике.

На выходе Клайн вручил мне запечатанный конверт из плотной бумаги, и я понял, что они были с самого начала уверены, что я приму предложение. Я уходил, а они как ни в чём не бывало продолжали болтать у меня за спиной.

Мы с дочерью Клайна Марной одновременно оказались в прихожей его квартиры. Было поздно, и мне пришлось проводить её до квартиры-студии на 68-й улице, где она жила. Снаружи моросил мелкий дождь, превращая тротуар в лужицы жёлтого цвета. Шторм миновал, и снова стали слышны шумы большого города. Не сказав ни слова во время нашей встречи, Марна и теперь шагала молча. Я поинтересовался, что за человек изображён на фото у них в квартире – седовласый джентльмен хрупкой наружности, а перед ним на столе два револьвера с рукоятками из слоновой кости...

– А, это Франсуа Дювалье. Юджин Смит²¹ снял его в бытность с моим отцом на Гаити.

– Ваш отец знал Папу Дока?²²

Она кивнула в ответ.

– Какими судьбами?

– Они познакомились на открытии института, где Дуйон пасёт своих зомби. Института, который носит его имя.

– Имя Дювалье?

²¹ Американский фотожурналист Юджин Смит (1918–1978) признаётся одним из наиболее выдающихся мастеров документальной фотографии. Среди прочих, им сделаны на Гаити фотографии, имеющие отношение к теме этой книги («Безумные глаза», 1959), и знаковые снимки: «Прогулка по райскому саду» (1946) и «Томоко с матерью в ванной» (1971). *

²² Прозвище «Папа Док» президент Гаити в 1957–1971 гг. Франсуа Дювалье (1904–1971) придумал себе сам. Отличавшийся садистскими наклонностями диктатор был врачом по образованию, сделал медицинскую карьеру во время американской оккупации острова и позднее, до прихода к власти, был министром здравоохранения Гаити. *

– Нет, – сказала она, засмеявшись, – моего отца. Он посещает Гаити вот уже двадцать пять лет.

– Это мне известно. А вы бывали там вместе с ним?

– Да, и не раз за все эти годы, только...

– Хорошо там?

– Там чудесно. Только знаете что, вам надо обязательно понять – отец действительно верит в существование зомби.

– А вы не верите.

– Не в том дело.

У порога её дома мимо проезжало свободное такси, и я помахал ему рукой. Мы пожелали друг другу доброй ночи. Последний авиарейс вылетел несколько часов назад, поэтому я велел таксисту отвезти меня на вокзал Гранд-Сентрал, где стал дожидаться ночного поезда в Бостон. Устроившись в вагоне, я сразу вскрыл переданный Клайном конверт. Помимо денег и авиабилета в нём оказался полароидный снимок, тусклое фото чернокожего крестьянина непритязательного вида. Короткая запись на снимке указывала, что имя его – Клервиус Нарцисс. Я поймал себя на мысли, что бережно держу в руках лицо этого бедняги с фото, поражённый тем, как благодаря обычному фотоснимку становятся близкими и вхожими тебе в душу вещи самые странные и несусветные. Дата на билете напоминала, что у меня есть ровно неделя для того, чтобы попробовать «слепить» из подручных средств хоть какое-то приемлемое естественнонаучное объяснение для скудных фактов, из которых надо было ис-

ХОДИТЬ.

III. Калабарская гипотеза

Мне нравится железная дорога и, бывая в Южной Африке, я по возможности путешествую поездом, смакуя на открытой платформе ароматы тропиков, взбиваемые летящим составом в неповторимый коктейль. В сравнении со караванами Латинской Америки, неторопливо «скрипящими» по земле и пропахшими вонью от пота и мокрой шерсти живых тварей, вперемежку с дюжиной цветочных ароматов, наши поезда удручающе стерильны, и воздух в них тяжёлый, словно им уже кто-то дышал. Как бы то ни было, ритмичный стук

колёс всегда располагает к созерцанию панорамы за окном, насыщая детские фантазии красками и светом.

Однако, покидая Нью-Йорк в этот раз, странным чувством освобождения я был обязан отнюдь не поездам. Озадаченный тем, как много мыслей и чувств пробуждалось в моей душе, я едва узнавал себя в окне купе. «На пограничье смерти» – сказанное Леманом бродило во мне словно призраком, выдёргивая из объятий сна, чтобы в одиночестве в пустом вагоне я отсчитывал час за часом мерным шарканьем шагов проводника.

Клайн и Леман. Оценивая их доводы и пытаясь найти спрятанный ключ к разгадке, я неизменно возвращался к голым фактам, о которых рассказали они же. Сами по себе эти факты говорили немного, но их было достаточно, чтобы отправиться в путь, кроме того, они стали благодатной почвой для моих собственных догадок.

Распылённая на пороге дома отравя предположительно проникает в организм сквозь подошвы босых ног. Если это так, то основные составляющие яда должны проникать сквозь кожу. Раз зомби описывали как «бродяг», значит, препарат приводит в состояние длительного психоза, а начальная его доза способна повергнуть жертву в неотличимое от смерти оцепенение.

Если это вещество органического происхождения, стало быть, её источником должно быть животное или растение, встречающееся на Гаити. Из чего бы оно ни было добыто,

вещество это чрезвычайно сильнодействующее.

Не имея обширных знаний о токсинах животного мира, я перебирал в памяти ядовитые и психоактивные растения, знакомые мне благодаря шестилетнему сотрудничеству с Ботаническим музеем. Я вспоминал виды, способные убить, способные лишить рассудка. Только один из них отвечал критериям яда зомби. Это было единственное растение, чей сок я так и не решился отведать за долгий период моих исследований и странствий. Настолько опасный галлюциноген, что его не ни разу не пробовал даже бесстрашный экспериментатор Шултс.

То было излюбленное растение всех отравителей и колдунов на земле. Имя его – дурман (*datura*), «*священный цветок Полярной Звезды*».

Осколки моих утомлённых мыслей унеслись в далёкую ночь на вершине перуанских Анд, холодную и прозрачную как стекло. Бурая и пыльная тропа, петляя среди пышно цветущих агав, вела на веранду, с трёх сторон окружённую глинобитными стенами деревенского дома. Под одной из них сидел человек, которому нездоровилось, отстранённый и погружённый в себя. В прошлом сезоне рыба ловилась на славу, пока течением не принесло тёплые тропические воды, истребившие всю морскую фауну на южном побережье. И, словно по непреложному закону природы, личную жизнь этого мужчины постигла такая же участь – ребёнок заболел, жена сбежала с любовником. В результате этих событий

несчастный пропал из деревни, чтобы месяц спустя появиться в ней нагим безумцем, краше в гроб кладут.

Две недели потратил местный шаман-*курундеро*²³ на тщетные поиски источника всех этих бед. Оценив уже наметанным на материи вышнего мира глазом состояние своего земляка, он разложил на алтаре могущественные предметы, наделённые сакральной силой – окаменелые кристаллы, зубы ягуара, панцирь моллюска, именуемого *Гребень Венеры*, китовую кость и упрямо тянущие свои головы вверх из земли с незапамятных времён *уакас*²⁴, обречённые стать урожаем для мечей конкистадоров. Во время ночных ритуалов на пару с пациентом они вдыхали отвар алкоголя и табака, поднося раковину гребешка так, чтобы испарения попадали в обе ноздри. Призывая имена Атауальпы²⁵ и всех древних правителей Перу, они опьянялись соком *ачумы* – священного кактуса четырёх ветров. Сын шамана возил безумца на муле в горы, где расположены озёра *Уарингас*²⁶ – источник духовной силы. Всё напрасно. Знамения были слабы и невняты, не помогло даже омовение в целебных водах. Напасть упорно не хотела отпускать свою жертву.

²³ Курандеро – шаман-целитель (от исп. *curar* – «лечить») в Латинской Америке. *

²⁴ Перуанское имя дурмана (см. ниже, словарь терминов на стр. 312-319).

²⁵ Атауальпа (1502–1533) – последний император инков до испанского завоевания. *

²⁶ Солёные озёра *Уарингас*, расположенные в горах неподалёку от города Уанкабамба в Перу, наделяются местными жителями целительной силой. *

Шаману-целителю оставалось лишь одно – сразиться с нею один на один, отыскав причину в ином мире, где обычным людям бывать небезопасно. Пациент сидел на прежнем месте, когда шаман улизнул из дома, накинув широкое пончо и такую же шляпу, из-под которой выглядывал только его подбородок, напоминавший носок старого сапога.

Теперь шаман прибегнет к видениям иного рода – путанным и сбивчивым, отталкивающим, ведущим неведомо куда. И будет работать с ними не как опытный знаток, способный управлять своим духовным миром, разгадывая его, а скорее, как проситель-соглядатай, едва заглянувший в открытый ему колдовской травой безумный мир.

Перспектива того, что он утратит и контроль над самим собой и память, потеряет чувство времени и пространства, была пугающей. Но у шамана не было выбора, и он приступил к тому, что ему предстоит осуществить, с решимостью смертельно больного человека.

Он уединился в каменной избушке, заперев ветхую дверь. Его резкие жесты, мелькавшие через трещины двери, казались молниеносными вспышками света из-под земли, устремлённого ввысь. Сквозь трещины мне было видно, как его призрачная фигурка движется, «нарезая» круги всё уже, как делают собаки, устраиваясь на ночлег. Присев на землю, он снял шляпу, обнажив искажённое и *безликое* лицо – вздутые сине-чёрные губы и отвислый нос, болтавшийся на уровне рта. Кожа на скулах осунулась, глаз во мраке не было вид-

но. Он сидел молча, бессознательно принимая услуги своего помощника, который заботливо соорудил постель, поставил большое корыто воды и эмалированную чашу с чем-то чёрным. Прodelав это, служка шамана скромно устроился возле двери, поманив меня сесть рядом. Мы оба замерли, вглядываясь в темноту. Лёгкий ветерок шевелил жестяную кровлю, заглушая наше дыхание.

Схватив обеими руками эмалированный сосуд грубым жестом сельского батюшки, курандеро, поклонившись четырём углам хижины, приступил к поглощению его содержимого. Пил он подчёркнуто медленно, слегка поморщившись, полностью опустошил посудину. Затем мирно уселся с подчёркнутым спокойствием – пути назад уже не было.

Напиток подействовал быстро. Через полчаса шаман был в тяжёлом ступоре – пустые глаза уставились в одну точку на полу, губы плотно сжаты, а лицо вдруг покраснело и распухло. Вскоре ноздри его зарделись, он начал вращать орбитами глаз, пуская ртом пену, и всё тело охватили жуткие конвульсии. Он всё глубже и глубже проваливался в бездну безумия. Задыхаясь, скрёб землю костлявыми пальцами, точно кошка, тщетно пытаюсь не сорваться в пропасть безумия.

Вопли агонии прорезали ночную тьму. Он пытался встать, но снова валился пластом, продолжая колотить пустоту обеими руками. Внезапно он метнулся к корыту с водой, словно охваченный пламенем или умирающий от жажды. Затем его передёрнуло в последний раз, он рухнул и затих.

Так действует *симора* – кустарник-принадлежность злого орла, ближайший сородич дурмана в растительном мире.

Бледная лавандовая синева зари сквозила сквозь матовое стекло окна вагона, подсвечивая видимость жизни вокруг, пока, наконец, пассажирский поток не вывел меня с Южного вокзала на улицы утреннего Бостона.

Город только начинал просыпаться, а я был слишком возбуждён, чтобы спать. Я попал в Ботанический музей к часу его открытия и застрял в толпе школьников, которых учитель вёл к экспонатам, пока не протиснулся к железной лестнице, ведущей в частную библиотеку на последнем этаже.

В помещении, как обычно, пахло плесенью, значит, экспонаты на месте. Из-за дубового шкафа со старинными фолиантами и оригиналами трудов Карла Линнея я достал несколько нужных книг и, сгорая от нетерпения, приступил к поиску первой зацепки, способной упрочить мои предположения.

Зацепку я обнаружил в издавшем виды каталоге сорокалетней давности с потемневшими от времени страницами. Там было сказано, что на Гаити действительно произрастает дурман. Целых три вида, и все они завезены из Старого Света. Прошерстил перечень распространённых его именованных. Одним из видов дурмана значился *datura stramonium*. Дурман обыкновенный, или вонючий дурман, у гаитян носит имя *concombre zombi* – огурец зомби! Удовлетворённый находкой, я рухнул в любимое кресло и вскорости заснул.

Снаружи повернули ключ. Со стопкой книг под мышкой вошёл профессор Шултс.

– Ты же обычно спишь у себя в кабинете? – поддел меня он. После обмена любезностями я вкратце поделился предварительными результатами по делу зомби.

Шултс принял моё первоначальное предположение касательно дурмана, и мы провели то утро, совместно сооружая досье.

Действие дурмана при местном воздействии неоспоримо. На севере Мексики колдуны индейского племени *яки* натирают гениталии, ноги и ступни мазью на основе листьев дурмана, чтобы создать иллюзию полёта. По мнению Шултса, этот метод они заимствовали у испанцев, поскольку среди европейских ведьм было принято натираться беленой, белладонной и мандрагорой, а всё это родственные дурману виды растений²⁷. Их необычное поведение вызвано этими веществами, а отнюдь не контактами с дьяволом.

Особо эффективен способ нанесения этого снадобья на слизистую поверхность вагины, а самым подходящим аппликатором традиционно считается помело. Популярный образ старухи на метле – порождение средневековых суеверий. Будто бы в полночь ведьмы летают на шабаш – непристойное сборище демонов и чародеев. На самом деле, колдуньи путешествовали не в пространстве, а на бескрайних просторах

²⁷ Белена (*Hyoscyamus*), белладонна (*Atropa belladonna*), мандрагора (*Mandragora*) – ядовитые растения из семейства паслёновых. *

бреда в своём одурманенном мозгу.

Самим названием это растение обязано способностью вызывать оцепенение. Оно происходит от *dhatureas* – так в древней Индии звали разбойников, применявших дурман для опаивания намеченных жертв²⁸.

²⁸ Этимология, походя приведённая Дэвисом, нуждается в уточнении. Источником слова *datura* в английском и, позднее, латинском таксономическом языке послужило древнеиндийское название растения «дурман» (вернее, одного его вида в Старом Свете, дурмана азиатского – *Datura metel*) – санскр. *dhattūrah*

धत्तूर

(– отсутствует в санскритско- русском словаре В. А. Кочергиной, но есть в более полном санскритско- английском словаре Монье- Вильямса). Дурман упоминается как цветок бога Шивы в Шива-пуране и Вамана- пуране. Небезынтересно происхождение слова *dhattūrah* уже в самом санскрите. В первом издании известного этимологического словаря санскрита его автор, Манфред Майрхофер (1926-2011), считал неоправданным отделять *dhattūrah* от *dhūrta* («хитрый, лукавый»), однокоренного с *dhvarati* «вредит», как и *dhvaras* («пагубные» демоны из Ригведы, враги Индры – откуда, вероятно, «гном» в германо-скандинавском фольклоре, нем. *Zwerg*). Тогда древнеиндийское название дурмана возводится к индоевропейскому корню *dhver* со значением «обманывать, вредить» (ср. лат. *fraus* «обман», источник англ. *fraud*). Любопытно, что

भंग

название индийской конопли *бханг* (), которое считается родственным санскр. *mañji* «прелестный» и *mangala* «амулет, благой знак», восходит к индоевропейскому корню *menġ* с близким значением «приукрашивать, делать привлекательным». К нему возводят, в частности, лат. *mango* «нечистый на ру-

منگ

منگیا

ку торговец», перс. *манг* () «одуревший», и *мангйо* ()

Живший в шестнадцатом веке португальский путешественник Кристобаль Акоста²⁹ был свидетелем того, как индийские проститутки умело используют зёрна дурмана с аналогичной целью, удерживая клиента в бессознательном состоянии дольше, чем тот намеревался провести.

Его коллега Иоганн Альберт Де Мандельсло³⁰ тоже наблюдал, как жёны ревнивых мужей, восплавав страстью к диковинным для тамошних мест европейцам, усыпляют супруга дурманом, наставляя ему рога даже в его присутствии, пока тот сидит с раскрытыми глазами, ничего не соображая.

Новый Свет нашёл более жестокое применение препарату ведьм из Старого Света. Индейцы племени *чибча* – аборигены высокогорной Колумбии, накачивали разновидностью

«игорный дом, азартная игра», греч. *μαγικανέω* «колдую, ворожу, обманываю». О лексических параллелях в названиях индийской конопки и дурмана см.: *Flattery D. S., Schwartz M. Naoma and Harmaline: The Botanical Identity of the Indo-Iranian Sacred Hallucinogen «soma» and Its Legacy in Religion, Language, and Middle-Eastern Folklore. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 128.* Что касается Нового Света, индейское название дурмана на ацтекском языке *науатль, toloaxihuitl* (от *толоа* «качать головой» и *сийотль* «трава»), стало источником мексиканского имени дурмана в испанском языке – *toloache* [толоачэ] (от его «уважительного» именованья с гоноративным суффиксом *tzin – toloatzin*). *

²⁹ Кристобаль Акоста (1515-1594) – португальский врач, ботаник и фармаколог, один из первых исследователей флоры восточных стран, имеющей медицинское значение.

³⁰ Иоганн Альберт Де Мандельсло (1616-1644) – немецкий дипломат, оставивший описание своих путешествий в Иран и Индию, изданное его другом, Адамом Олеарием (1599-1671), чьи мемуары включают и сведения о жизни в Московии (1633-1639) при дворе Михаила Федоровича. *

дурмана рабов и жён умершего вождя, прежде чем закопать их живьём вместе с их усопшим господином.

С точки зрения фармакологии, всё выглядело убедительно. Наружное применение дурмана даже в относительно умеренных дозах рождает бредовые галлюцинации, за которыми следуют рассеянность и амнезия. А превышение дозы влечёт оцепенение и смерть.

У меня был ещё один, подсказанный интуицией повод связывать действие дурмана с явлением зомбирования. Жизнь в представлении многих индейских племён подразделяется на стадии от рождения до инициации, затем брак и, в конце концов, смерть. При смене этапов важную роль играет ритуальная сторона этого процесса. Когда я первый раз услышал от Клайна и Лемана отчёт о *воскрешении* Нарцисса из мёртвых, мне оно показалось типичным «обрядом перехода»³¹ от жизни к смерти, но в искажённой форме.

Видимо, дурман связан с этими решающими «транзитными» моментами в обрядах перехода теснее других наркотиков. Например, индейцы *луисеньо* из Южной Калифорнии убеждены, что все юноши должны при помощи дурмана погружаться в наркоз в ходе посвящения в мужчины. *Алгонкины* и другие североамериканские племена также используют его, именуя *уисоккан*.

Половозрелых юношей специально изолируют и сажа-

³¹ Обряды перехода – понятие в антропологии, введённое благодаря одноимённому программному труду Арнольда Ван Геннепа (1873–1957). *

ют на пару недель наркотической диеты. В ходе продолжительной интоксикации они забывают, что когда-либо были детьми и учатся вести себя по-мужски.

Южноамериканские *хиваро* или *шуара* – знаменитые охотники за головами на юге Эквадора³², опаивают молодёжь смесью *маикуа*, посылая шестилетнего ребёнка на поиск его собственной души. Если мальчику повезёт, она предстаёт перед ним в виде пары крупных хищников, например, ягуара и анаконды. А потом эта душа войдёт в его тело.

Для большинства индейских племён дурман тесно связан со смертью. В горных районах Перу его называют *уака*, что на тамошнем диалекте *кечуа*³³ означает «могила», в виду способности одурманенных угадывать места захоронения своих пращуров. Живущие на юго-западе *зуни* жуют дурман чтобы вызвать дождь, посыпав глаза толчёным корнем этого растения, они просят духов мёртвых о посредничестве в этом деле с соответствующими богами. Очевидная связь дурмана с силами тьмы и смерти указывала на то, что он был компонентом в составе яда зомби.

³² *Хиваро* или *шуара* – коренные обитатели предгорий Анд, потомки которых ныне живут в Перу и Эквадоре. В прошлом они практиковали обычай высушивать отрезанную голову врага (*тсантса*), которая якобы передавала новому владельцу его силу. *

³³ Язык, на котором говорят потомки населения инкской империи. Большинство его носителей живут на территории нынешних Перу, Боливии и Эквадора. Лучшим известным нам на русском языке учебником остаётся пособие О. А. Корнилова «Язык инков-кечуа» (2014). *

Естественно, наше внимание было обращено именно на *Datura stramonium*, именуемом на острове Гаити «огурцом живого мертвеца». Хотя родина этого растения Азия, в силу своих свойств оно стало широко известно всей Европе и Африке ещё с доколумбовых времён. Поскольку Шултс не имел сведений об использовании дурмана индейцами Карибского бассейна, а также в виду африканского происхождения гаитян, меня особо интересовала судьба дурмана в Западной Африке.

В тот же день мы без особого удивления выяснили, что *Datura stramonium* применяется множеством племён. Нигерийская народность *хауса* использует семена дурмана для усиления действия ритуальных напитков. Им угощают юношей *фульбе*³⁴ для поднятия духа в ходе проверки их на мужественность *шаро*³⁵. Тоголезские знахари при решении спорных вопросов потчуют стороны питьём из листвы и корня *Lonchocarpus capassa*³⁶, которым травят рыбу. Во многих частях Западной Африки сохранился оригинальный вид убий-

³⁴ *Фульбе* или *фула* – народность в Западной Африке, проживающая на территории современной Нигерии и близлежащих государств, говорящая на языке *фула*. В прошлом *фульбе* занимались скотоводством, первыми среди соседних племён приняли ислам. О них см.: *Зубко Г. В.* Фульбе – гранды африканской саванны. Опыт реконструкции этнокультурного кода. М.: Логос, 2011. *

³⁵ В ходе состязания за невесту под названием *шаро* юноши наносят друг друга удары палками. *

³⁶ Растение из семейства бобовых, используемое в органическом земледелии как инсектицид и пестицид. *

ства, когда женщины разводят жучков на подвиде дурмана, чтобы отравить неверного любовника их испражнениями.

Если Африка – родина этой отравы, разумно предположить, что там же находится и противоядие, которым грезит Клайн. Вот почему меня так порадовала информация о том, что признанное медициной средство против отравления дурманом получают из одного западноафриканского растения. Это лекарство называется физостигмин³⁷, его основа была добыта из стручковой лианы, известной как калабарская фасоль, произрастающей в прибрежных болотах от Сьерра-Леоне на юге до Камеруна на востоке. Оно широко известно населению калабарского побережья, где река Нигер впадает в Гвинейский залив – там, откуда предков современных гаитян вывозили на плантации Нового Света.

Короткий этнографический экскурс в XVIII-й век показал, что плантаторы-французы в Сан-Доминго, ныне Гаити, были весьма внимательны при отборе рабов. Учитывая чудовищный уровень смертности на острове, они решили, что привозные африканцы обойдутся дешевле тех, что выращены в неволе.

За какие-то двенадцать лет, между 1779 и 1790 гг., мор-

³⁷ Физостигмин – парасимпатомиметический алкалоид, обратимый ингибитор холинэстеразы. Является главным алкалоидом так называемых калабарских бобов или калабарской фасоли – семян западноафриканского растения *Physostigma venenosum* – физостигмы ядовитой. В медицинской практике применяется главным образом при глаукоме, как средство, сужающее зрачок и снижающее внутриглазное давление.

ским путём в Сан-Доминго на судах, шедших, огибая побережье Африки, от Сьерра-Леоне до Мозамбика, было доставлено почти 400 000 рабов. И хотя этих несчастных отлавливали в разных местах, у их собственников имелись, конечно, свои предпочтения. Сенегальцев ценили за высочайшего образца нравственность вкупе с кротким характером (такие заверения из уст рабовладельцев говорят об их чувстве юмора). А уроженцы Сьерра-Леоне, Берега Слоновой Кости и Золотого Берега³⁸ славились упрямством и склонностью к побегам и мятежу. *Игбо*³⁹ с юга Невольничьего берега (в современной Нигерии) работали исправно, но считались склонными к суициду. Высоко ценились уроженцы Конго и Анголы, и их закупали в немалом количестве. Но лучшим

³⁸ В период колониализма у европейцев были в ходу особые названия различных частей побережья Гвинейского залива в Западной Африке на территории нынешних государств (с запада на восток): Либерии, Кот д'Ивуара, Ганы, Бенина, Того и Нигерии. Либерия называлась Зернистым берегом (*Grain Coast*) или Перцовым берегом (*Pepper Coast*) из-за обилия там лиан с зернистыми плодами африканского перца и семян мелегетского «перца» (растения из семейства имбирных), «райского зерна» (их не стоит смешивать с более известным, «индийским» чёрным перцем). Берег Слоновой Кости (*Ivory Coast*) – Кот д'Ивуар, богатый слоновой костью. Золотой берег (*Gold Coast*) – Гана, которая и в наше время входит в десятку мировых лидеров по золотодобыче. Невольничий берег (*Slave coast*), значимый центр работорговли в XVI–XVIII вв., занимал всю восточную половину тогдашнего Гвинейского побережья – территорию современных Бенина, Того и южной Нигерии. Популярное изложение истории работорговли см.: *Доу Дж.* История работорговли. Странствия невольничьих кораблей в Атлантике / Е. Л. Шведова. М.: Центрполиграф, 2013. *

³⁹ Народность в Западной Африке, говорящая на одноимённом языке, исповедующая христианство и иудаизм. *

считался люд с Невольничьего Берега – основного центра европейской работорговли.

Размах работорговли был настолько широк, что в Дагомейском королевстве она стала отраслью государственной промышленности⁴⁰. Экономика этой страны полностью зависела от ежегодных набегов в соседние страны. Толпы захваченных жертв: *наго*, *махи* и *арада* из западных *йоруба*⁴¹ – перегоняли в Нигер, где они попадали в лапы одиозного племени *эфик*⁴². Национальным промыслом этого старокалабарского клана была торговля людьми.

Исконно *эфик* были рыболовами, а жили они в идеально расположенной для работорговли дельте реки Нигер, имея преимущество в этой горестной битве за «живой скот». Ветра и течения, господствующие в этом краю, вынуждали суда на обратном пути в Европу и Америку плыть южнее, к Невольничьему берегу, где хозяйничали *эфик*. Получив ев-

⁴⁰ Существовало на территории современных Бенина и Того с середины XVII в. по начало XX в, когда стало французской колонией. Главным портом Невольничьего берега был дагомейский порт Вида (захвачен Дагомеей в 1727 г. у местного королевства Вида, также процветавшего благодаря работорговле, ныне город на юге Бенина с мемориалом «Дорога без возврата»). *

⁴¹ Народность в Западной Африке, говорящая на одноимённом языке, исповедующая христианство и ислам. *

⁴² Центральнаяафриканская народность, представители которой живут на юге Нигерии и западе Камеруна. Калабар, куда *эфик* переселились только в начале XVIII-го в., стал крупным центром работорговли, который был под контролем местных племён. В современном Калабаре, городе на юго-востоке Нигерии, недалеко от границы с Камеруном, находится Музей истории рабства. *

ропейское оружие, эти алчные посредники полностью контролировали торговлю с отдалёнными районами. Само название клана происходит от слова «иббибио-эффик», которое означало «притеснять». Имя они получили от соседних племён, обитавших в низовье рек Калабар и Кросс, которых эти эффик и «притесняли», не допуская до прямых контактов с белыми оптовиками.

Но и эффик с европейцами были не очень сговорчивы, требуя плату вперёд. Европейцы регулярно вносили задаток ходовой валютой – солью, хлопком, полотном, железом, латуной и медью. Всё это стоило тысячи фунтов стерлингов. Вдобавок к обмену товара на рабов также взималась пошлина за привилегию иметь дело непосредственно с вождями эффик. Некоторые суда стояли на якоре в течении года, однако ни один белый не имел права сойти на берег. Разрешения забрать «живой груз» приходилось ждать месяцами.

Каждым крупным поселением эффик управлял *обонг* или вождь, который поддерживал порядок, посредничал в спорах и командовал войском в случае войны. Но помимо власти светской, существовала не менее влиятельная сила в лице тайного общества под названием *Эгбо* или Общества Леопарда⁴³. Это была чисто мужская организация со своей табелью о рангах, каждому из которых соответствовал харак-

⁴³ Подробнее см.: Новожилова Е. М. Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (потестарные аспекты функционирования) // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика / В. А. Попов. СПб: МАЭ РАН, 2000. С. 109–122. *

терный костюм. Хотя внешне обонги и эгбо функционировали отдельно, влиятельные члены общины заседали в советах обеих группировок. Не забывая воздавать почести обонгу, который сам мог быть членом сообщества, эгбо часто эксплуатировали зловещий флёр, которым была окутана их иерархия, для устрашения рядовых граждан.

Закрытый совет общинных старейшин учреждал состав верховного суда, «дети леопарда» издавали законы и следили за их соблюдением, решали важные дела, взимали долги и защищали имущество своих членов. Власть обладала широким спектром полномочий. Она могла налагать штрафы, пресекать единоличную торговлю, конфисковать имущество, арестовывать, удерживать и сажать нарушителей. За серьёзные преступления полагалась казнь – жертве отрубали голову или привязывали к дереву, отсекая нижнюю челюсть. Искалеченную таким образом, её ждала смерть.

Трибунал тайного общества решал вопрос о виновности или невиновности обвиняемого способом в наивысшей степени оригинальным. Подсудимому давали ядовитый напиток на восьми калабарских бобах, разбавленных водой в перемолотом виде. От такой дозы физостигмина начинается постепенный паралич нижней части тела, затем отказывают все мышцы, и следует смерть от удушья.

Напоив обвиняемого, ему велели спокойно стоять на виду у собравшихся на трибунал судей до появления первых признаков воздействия зелья. Затем ему приказывали пройти до

линии, прочерченной на земле на расстоянии трёх метров. Если он умудрялся вызвать у себя рвоту и исторгнуть отраву, то его признавали невиновным и отпускали с миром. Если выbleвать не выходило, но до линии он доходил, то тоже считался невиновным. Он быстро получал противоядие – кал, разбавленный водой, которой попользовалась женщина для подмывания.

Но всё-таки в большинстве случаев подсудимый погибал ужасной смертью, столь велика ядовитость калабарской фасоли. Тело раздирают ужасные конвульсии, из носа хлещет слизь, рот жутко дрожит. Если жертва умрёт от мучений, палач вырвет ей оба глаза, а труп выбросит в лесу.

Вплоть до последних лет работоторговли территория эфик являла собой конвейер по депортации полностью деморализованных невольников. Для поддержания порядка и дисциплины эфик полагались на агентуру и палачей эгбо. Отправка в Америку задерживалась на недели и месяцы, в течении которых томившиеся в ожидании погрузки рабы наверняка слышали про гнусную пытку калабарской фасолью, а то и были подвергнуты ей.

Информация внушала оптимизм. Оказывающее сильнейшее психотропное действие растение, широко знакомое африканцам как парализующий яд, могло быть завезено на Гаити. А калабарская фасоль, дающая противоядие, произрастает в одном с ним регионе. И об этом свойстве также определённо известно по ту сторону Атлантики. Африканские виды

дурмана растут на современном Гаити повсеместно. И хотя у нас нет аналогичных данных про калабарскую фасоль, её твёрдые бобы могли пересечь океан в целости, чтобы составить компанию дурману на плодородной почве Сан-Доминго.

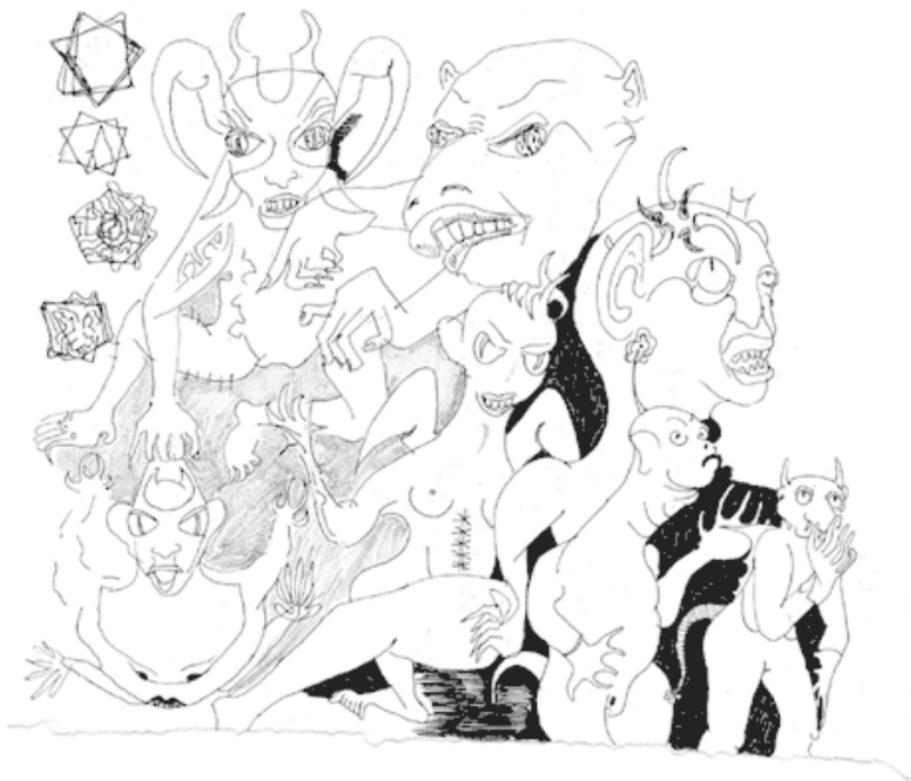
Так, за один день библиотечных изысканий у меня по явилось нечто конкретное, гипотеза, при всей её шаткости отвечающая скудным актам нашего досье. Сведения о фармацевтических свойствах двух ядовитых растений прибыли на Гаити вместе с невольниками. Где её, адаптировав для новых нужд, приберегли для практической магии, породившей слухи об оживлении мертвецов, актуальные и в наше время. Моя калабарская теория оставалась не более чем домыслом, но, по крайней мере, у нас появился скелет, который нам предстояло нарастить плотью новых идей и фактов. Они и приведут нас к разгадке этой сверхъестественной тайны.

При всем её изяществе и простоте, гипотеза оказалась ложной. Тем не менее, следуя ей, мне удалось обнаружить ключевую взаимосвязь феномена зомби с тайными обществами эфик.

Physostigma venenosum Balfour.

IV. Белые ночи живых мертвецов

Я прибыл на Гаити в апреле 1982-го. С собой у меня были первоначальные догадки, письмо психиатру Дуйону, лечившему Нарцисса в Порт-о-Пренсе, и две фамилии, которые в

Лондоне мне дали в Би-би-си, а именно: Макс Бовуар⁴⁴ – рафинированный представитель интеллектуальной элиты Гаити, и Марсель Пьер – жрец культа *водун* или *хунган*, предоставивший англичанам образец пресловутой отравы. «Зло во плоти», по словам одного журналиста.

Подлетая к Гаити, нетрудно понять ответ Колумба на просьбу королевы Изабеллы⁴⁵ показать ей, как выглядит остров Эспаньола, будущий Гаити⁴⁶. Схватив листок бумаги, который был под рукой, он смял его и швырнул на стол. «Вот она», – сказал мореплаватель⁴⁷.

Колумб попал на Гаити через Сан-Сальвадор, где произошла первая высадка на землю двух будущих Америк. Тамошние жители рассказали ему про гористый остров, где жёлтые камни сверкают в речной воде. В придачу к золоту, адмиралу достался тропический рай. Он с восторгом живописал королеве здоровый климат и плодородие земли, где рекам нет числа, а деревья растут до самых небес.

Аборигенов племени *аравака* он хвалил за щедрость и добродушие, умоляя королеву взять их под свою опеку. Что

⁴⁴ Макс Геснер Бовуар (1936–2015) – гаитянский биохимик и *хунган* (см. ниже). Бовуар носил один из высших титулов священства вуду.

⁴⁵ Королева Кастилии и Леона Изабелла (1451–1504), покровительница Колумба. *

⁴⁶ Остров Гаити вначале носил имя «миниатюрная Испания» (*Hispaniola*). *

⁴⁷ Приведённый Дэвисом анекдот, популярный у гаитян как доказательство «изрезанного» ландшафта их острова, вероятно надо признать не имеющим документальной основы образцом местного фольклора. *

и было сделано. Приобщение туземцев к прелестям европейской цивилизации XVI-го века проходило столь благотворно, что за следующие пятнадцать лет их стало 60 тысяч вместо полумиллиона. Ещё одной жертвой европейской жадности стали пышные леса. С исчезновением эвкалипта, сосны, махагони и палисандра нежная тропическая почва обратилась в сажу, от которой почернели реки.

Наблюдая с высоты пустынные ландшафты и оголённые склоны, я представлял колонизаторов не иначе как в образе саранчи, занесённой на остров чумными ветрами четыре сотни лет назад.

Стольный город Порт-о-Пренс распростёрт посреди знойной равнины на краю залива в окружении гор, а за ними взмывают другие горы, создавая иллюзию огромных просторов Гаити, в которых теряются мириады людей, но суровая статистика неумолима.

На всего-то 10 тысячах квадратных миль там обитают 6 миллионов человек. Первое впечатление от столицы – хаотическое мелькание жителей, город безумный и неудержимый. Прибрежные трущобы в испарениях прачечных. Памятники – истуканы, словно покрытые струпьями проказы. Пламенеющие ветви делоникса⁴⁸ вдоль улиц, пропахших рыбой, потом, золой и нечистотами.

Ослепительные фасады казённых зданий и президентский

⁴⁸ Делоникс – род деревянистых цветковых растений семейства бобовые, маловетвящиеся листопадные деревья, происходят из Восточной Африки.

дворец неземной белизны. Крики и завывания базарных торговцев, треск допотопных моторов, едкий чад выхлопных газов. Словом, вся прелесть и вся мерзость типичной столицы третьего мира налицо, но взгляд новичка замечает кое-что ещё. Гаитяне не ходят, а проплывают с гордым видом. Сложены они безупречно. Смотрят весело и дерзко, беззаботные на вид.

В столице, омытой утренним дождём, есть порочное обаяние. И это не обман зрения – городской воздух наэлектризован первозданной энергией кутежа сильнее, чем в других местах Южной и Северной Америки. Заметив это с первых минут и ощущая потом в последующие месяцы, проведённые на острове, я не сразу сумел понять природу такого положения дел. Разгадку подсказало мне зрелище, виденное в дальнейшем неоднократно. На выезде из аэропорта мне попался гаитянин, танцующий в лучах заката с собственной тенью, сохраняя здоровый вид человека, довольного жизнью.

Меня приютил отель «Олоффсон», чьё аккуратное здание, утопая в побегах бугенвиллеи⁴⁹, было словно пропитано позабытым воздухом американской оккупации. Оставив багаж на вахте, я сразу отправился к Максу Бовуару, который жил в Мариани, на юге столицы, по ту сторону шумной магистралю, известной как Карфур-Роуд. Просачиваясь вглубь острова, по ней проходит весь транспорт, это не шоссе, а скорее живые подмости, на которых зримо явлены быт и дра-

⁴⁹ Бугенвиллея – род вечнозелёных растений семейства никтагиновые. *

ма большого города. Мой водитель как рыба в воде петлял на дороге среди грузчиков под гнётом всевозможной клади: от льда и угля – до мебели и рыбы. Со всех сторон ползли расписные автобусы, подбирая пассажиров, несмотря на отсутствие мест. Нахальные торговки трясли товаром с порога лавчонок, ремесленники кроили из покрышек шлёпанцы и выковывали рессоры из металлолома. Девицы в облегающей синтетике маячили в дверных проёмах, увитых каладиумом⁵⁰.

Грязный, пёстрый и шустрый бульвар с множеством забегаловок, манящих прохожего заглянуть внутрь. Сразу за погостом, с вымытыми добела надгробиями, дорога вдруг широко раскрывается, и ты впервые после Карфура чувствуешь близость моря. Проехав около трёх миль туда, где камни омывает вода, шофёр повернул в какую-то рощу.

У ворот меня встретил слуга. Минуя чудный сад, мы проследовали в пристройку на другом краю усадьбы. Там, на фоне пыльных амулетов и полотен африканской живописи, меня дождался Макс Бовуар. Он был чрезвычайно импозантен – рост, манеры, костюм. Свободно владеющий несколькими языками, он подробно расспросил меня о прежней работе, о научных интересах и о цели моего визита. Я, в свою очередь, ознакомил его со своей первоначальной гипотезой о роли ядов при изготовлении зомби.

⁵⁰ Каладиум – растение из семейства Ароидных, родиной которого считается Южная Америка, распространён в Бразилии.

– Ох уж эти зомби! А вас не рассмешит жалкий вид этих несчастных?

– Трудно сказать. Не больше, чем мой собственный, вероятно.

Мой ответ вызвал улыбку:

– Сказано по-гаитянски. Мы, в самом деле, потешаемся над нашими бедами, сохраняя это право только за собой. Боюсь, что вам долго придётся искать этот яд, мистер Дэвис, – продолжил он после долгой паузы. – В зомби превращает не отравы, а *бокор*.

– Бокор?

– Священник-левша, – пояснил он загадочно. – Хотя разделять левшей и правшей неправильно⁵¹.

Он снова прервался.

– В каком-то смысле мы, *хунганы*, мы все – *бокоры*. Хунгану нужно знать зло, чтобы его одолеть, но ведь и *бокор* должен проникнуться добром, чтобы не дать ему восторжествовать. Это, как видите, единое целое. Владея магией, бокор может сделать зомби любого – гаитянина, живущего за границей, иностранца. Так же и я могу исцелить его жертву по своему выбору. В этом наша сила и мощнейшая форма обороны. Но болтать об этом без толку. На этой земле всё на самом деле не такое, каким кажется.

⁵¹ *Хунган* – жрец «белой магии» вуду, колдун *бокор* – жрец «черной магии», хотя граница между ними до известной меры призрачна. Судя по материалу, приведённому в книге, Пьер, упомянутый в начале главы, больше, чем Бовуар, заслуживает звания бокора. *

Бовуар любезно проводил меня к машине, так и не предоставив конкретной информации по теме, которая, как я ему сказал, меня интересовала. Вместо этого он, будучи служителем культа водун, пригласил меня на церемонию, которая должна состояться той же ночью у него дома. Место нашей встречи и есть *унфор* – святилище, храм и алтарь верховного жреца.

Такие коммерческие представления для туристов Бовуар устраивал каждый вечер. Взимая за вход по десять долларов, идущие на содержание семьи и свиты, насчитывавшей более тридцати человек. Я приехал к десяти и меня препроводили во внутренний дворик с колоннами, где под навесом были расставлены полукругом столы. Во главе одного из них восседал хунган Бовуар.

Лакей принёс мне выпить. Мы с хозяином изучали разношёрстное собрание гостей, среди которых, помимо гаитян, были французские матросы, профессор антропологии из Милана, уже побывавший здесь утром, парочка журналистов, и делегация американских миссионеров. Что-то грохнуло, и Бовуар велел мне смотреть вглубь алтаря.

Девушка в белом – одна из *унси* или посвящённых в таинства храма, шагнула в дворик из темноты и, кивнув в обе стороны, зажгла свечу, поставив её на землю. Жрица или *мамбо*, повторив телодвижения девицы, вынесла чашу с кукурузной мукой, изобразив с её помощью какой-то каббалистиче-

ский символ на земле⁵². Это, пояснил Бовуар, *веве* – эмблема *лоа*, то есть демона, вызываемого в данный момент. Затем мамбо плеснула водой на четыре стороны света, не забыв оросить центральную колонну дворика, через которую духам предстоит войти в этот мир. Потом водой оросили три барабана и порог храма. Покончив с водными процедурами, мамбо обвела посвящённых против часовой стрелки вокруг *пото митана*⁵³ – центрального столба. Процедура завершилась коллективным коленопреклонением перед верховным жрецом.

Сжимая погремушку, Бовуар руководил молебном, поочередно выкликая духов сообразно иерархии пантеона водун. Он вёл богослужение на ритуальном языке. В словах на нём хранились тайны древних преданий.

Ударили барабаны. Первым пронзительно и дробно заверещал самый маленький – *ката*, по которому бьют парой тонких и длинных палочек. Раскатистый грохот второго заглушило громовое эхо земной утробы – это вступил последний, именуемый *маман*, самый большой из трёх. У каждого из них был свой ритм и своя тональность, но в то же время

⁵² Каббалистическим Дэвис называет его в переносном смысле. Хотя в качестве *веве* (знаков для вызова духа-*лоа*) может использоваться крест и пятиконечная звёзда, большинство исследователей не видят в них значимого влияния иудейской и христианской мистической традиции. *

⁵³ Пото Митан на языке гаитянских креолов означает «центральный шест» – украшенный деревянный столб, или живое дерево в центре храма, по которому духи-*лоа* спускаются на землю.

звук их был на редкость цельным, и бил по нашим нервам. Крики жрицы рассекали ночной воздух под канонаду ударных инструментов, чьим залпам согласно кивали верхушки вековых пальм.

Хоровод адептов извивался, пульсируя, словно единый организм. Послушницы металась от публики к алтарю и обратно, каждая сама по себе. В их танце отсутствовала чёткая хореография ритуала. Они словно кидались прямо на силы природы стремглав плечами и руками, а ноги многократно повторяли обманчиво примитивные *па*. Танец демонстрировал стремление, решимость, сплочённость и выносливость.

Он продолжался минут сорок, предваряя второе действие. *Маман* сошла с устойчивого ритма остальных барабанов, затем снова вернулась, выстукивая бешеный и неровный, прерывающийся ритм. Возникла зияющая пустота и смертная тоска – сейчас она уже во власти духов, вольных сделать с ней что угодно. Танцовщица замерла. А барабан продолжал греметь, и каждый удар, казалось, ложился на спину несчастной. Затем, стоя на одной ноге, она дёрнулась, описав пируэт, и стала метаться по двору, спотыкаясь и падая, хватая руками пустоту, гонимая боем беспощадных барабанов. И на волне их грохота явился демон. Буйство отступило, одержимая медленно обратила лицо к небесам. Её оседлал невидимый всадник, и она стала частью его. *Лоа* – тот, ради кого затевалось представление, пожаловал сюда собственной персоной.

В период моих странствий по Амазонке я ни разу не сталкивался с явлением такой грубой и мощной силы, как эта сцена одержимости. Миниатюрная женщина носилась по двору, легко, словно младенцев, поднимая в воздух крупных мужчин. Она разгрызала зубами стаканы, сплёвывая осколки стекла себе под ноги. Жрица протянула ей живую голубку. Крылья тотчас были оторваны, а голова откушена.

Демонстрируя свою ненасытность, духи овладели ещё двумя девицами. Беснование длилось добрые полчаса, жрица опрыскивала кордебалет водой и гаитянским ромом, дирижируя ритуальной погремушкой *ассон*. И всё это под несмолкающий барабанный бой.

Духи покидали тела танцовщиц так же незаметно, как и проникли, и те – одна за другой – падали в изнеможении на землю. Готовеньких уносили привычные к этому зрелищу слуги. Наблюдая за Бовуаром, я окинул взглядом аудиторию. Кто-то нервозно аплодировал, вид остальных был скорее озадаченный.

А необычная ночь между тем только начиналась.

– Главное впереди, – пояснил Бовуар. – Только что показанный нам ритуал *Рада*⁵⁴ почти идентичен поклонению дагомейским богам. Для гаитян эта Рада воплощает постоянство тёплых чувств и тепло нашей праматери Африки. В районе Порт-о-Пренса преобладают демоны новой породы,

⁵⁴ *Рада* – обряд «белой магии» вуду, в отличие от колдовского вредоносного обряда *Петра*. *

взращённые на крови и оковах колониального прошлого. Мы называем их *Петро*, в них клокочет бесстрашие и ярость, позволившие сбросить кандалы рабства. Как вы могли заметить, ритмический рисунок ударных и хореография танцев весьма отчётливы. Рада попадает в такт, а Петро бьют наперекор, резко и безжалостно, как удары кнута из недублёной кожи.

Духи появились снова – в огне, окружающем столп *пото митан*. Одержимую пронзил единый спазм, рухнув на колени, она взывала на каком-то древнем наречии. Затем она выпрямилась и завертелась волчком, сужая круги, пока не рухнула прямо на жаровню. В этом положении она пребывала недопустимо долго, пока не отпрыгнула, всколыхнув целое облако искристого пепла.

Замерев, она уставилась на пламя и закаркала вороной. Потом снова склонилась над ним. В руках у неё оказались две горящие головёшки, ударив одной о другую, одну она выронила, и принялась лизать ту, что осталась в руке, и сладострастно льнула к ней языком. В её губах оказался зажат уголёк размером с райское яблоко. Кружение возобновилось. Трижды обойдя вокруг столпа, она упала в объятия жрицы, так и не выронив то, что держала во рту.

По завершении церемонии Бовуара окружили с расспросами зрители, но меня больше интересовало кострище у подножия столпа. От него всё ещё веяло жаром. С помощью двух щепок я выудил оттуда непогасшую головёшку.

– Вы удивлены?

Я обернулся. Голос принадлежал одной из *унси*. Белое платье на ней не успело подсохнуть от пота.

– Ещё бы! Это поразительно.

– Лоа силён, огонь перед ним бессилён.

Сказав это, она направилась к столу Бовуара. Её английский был безупречен. Со мной говорила Рашель – шестнадцатилетняя дочь хозяина дома. В её походке сквозило продолжение ритуального танца.

Я вернулся в отель, словно меня там не было несколько дней. В ночные часы здание смотрелось по-иному. При свете дня это был белоснежный теремок, хрупкий и приглядный – пряничная фантазия башенок, куполов и окутанных шёлком минаретов, колеблемых порывами морского ветра. За полдень старая древесина распухала от влажного зноя, в воздухе веяло штормом. После ежедневного ливня происходило омоложение фасада, от него снова веяло чистотой и уютom на фоне тропического заката. Теперь же, под тусклой луной, он напоминал гиблое место. От заросшего дворика и ворот, от захлопнутых ставень, слепо глядящих поверх голов, веяло запустением и жутью.

Томимый бессонницей, я сидел на веранде, пытаюсь осмыслить зрелище, показанное мне Бовуаром. Я самолично видел, как женщина держит во рту раскалённый уголёк около трёх минут, безо всякого вреда для себя. Ещё более поразительно, что ей приходится проделывать это ежевечерне,

как в цирке. Я перебирал в уме прочие секты, где крепость веры адепта принято проверять огнём.

В бразильском Сан-Паулу сотни японцев отмечают день рождения Будды прогулками по жаровне, чья температура достигает двухсот градусов по Цельсию. Посещая Грецию, туристы наблюдают огнеходцев в селении Айя Елени, убеждённых, что им не даёт обжечься святой Константин. Схожие вещи происходят на Сингапуре и по всему Дальнему Востоку. В поисках рационального пояснения этому феномену западные учёные доходят до абсурда. Как правило, ссылаясь на некую «точку Лейденфроста⁵⁵», при которой вода на сковороде скатывается в шарики. Суть данного эффекта в том, что пар между раскалённой поверхностью и влагой образует защитный слой, предохраняющий от ожогов кожу ступней.

Теперь эта теория выглядела смехотворно и нуждалась в радикальном пересмотре. Во-первых, капля воды на сковороде и нога на углях, или уголёк в губах, это совсем не одно и то же. Язык можно обжечь по оплошности, сунув не тем концом тлеющую сигарету. Побывав в индейских парилках, я убедился, что высокие температуры можно выдержать только под надзором опытного знахаря.

Ну а после того, что я видел у Бовуара, любая попытка разъяснить это чудо чисто технически, не касаясь вопросов

⁵⁵ Эффект Лейденфроста назван в честь Иоганна Готлиба Лейденфроста (1715–1794), который описал его в «Трактате о некоторых свойствах обыкновенной воды» (1756 г.).

сознания и веры, стала для меня бессмысленной. Той женщине определённо была открыта некая духовная сфера. Поразительна была и та лёгкость, с какой она выходила за грань возможного в нашем мире. Недостаток опыта и знаний не позволял мне рационально разобраться в том, что едва ли удастся когда-нибудь забыть.

– А что, друг мой, привело сюда *вас*? – Я встрепенулся, повернул голову и увидел худого мужчину в белом костюме. Он сидел на ограде веранды, как птица на жёрдочке. В правой руке незнакомца мелькнула трость из слоновой кости с серебряным набалдашником.

Определённо, журналист.

– И какой лик этой страны хотелось бы вам повидать? Её страдания, её нищету, то есть голую правду?

Он не спеша пересёк веранду и опустился в плетёное кресло, закинув ногу на ногу. Деревянные лопасти вентилятора над его головой кружили в такт заученному тексту. Передо мной, видимо, был мошенник, не лишённый карикатурного шарма.

– Край родной, пригожий край! – продолжил он, пригрюнившись. – Тобою правят глупцы. Смотрите, как разъезжают они в серебристых авто, вперив руки в руль, с улыбкой сатира, осквернившего невинную родину, друг мой.

Он говорил, как будто выпил лишнего, но взор не был мутным.

– Вам не мешало бы узнать другой Гаити, хотя это и не для

слабонервных. Гаитяне бывают трёх видов – богатые, бедные и гаитяне, какие они есть на самом деле. Мы разучились плакать. Наше несчастное прошлое забыто, как непристойный сон, как неловкая передышка перед позорным настоящим.

Я собрался уходить.

– Вижу, я вас напугал. Глубочайшие извинения.

Пожелав незнакомцу спокойной ночи, я направился через веранду к себе в комнату. Он следил за моим отражением в тусклом зеркале.

Я проснулся рано, исполненный решимости ехать на север от Сен-Марка ради встречи с Марселем Пьером, так звали хунгана, якобы снабдившего Би-би-си образцом яда зомби. Перед выходом мне позвонил Бовуар и, узнав о моих планах, предложил в качестве переводчика свою дочь Рашель.

Я дожидался их прибытия на веранде отеля. Рашель была в платье из хлопка, его узор сливался с алебастровой лестницей «Олоффсона», по которой они с отцом поднимались, как на акварели.

Выезд к побережью совсем не походил на мои поездки в обеих Америках. Сначала мы ехали мимо доков, где чёрные хижины смотрят на круизные суда, а мужики с ножищами как наковальни катают ветхие тележки с коровьими шкурами, с которых капает кровь. Миновав городскую черту, мы попали в пышные заросли тростника, именуемые равниной Кюль-де-Сак, простёртой до склонов хребта Шен-дела-Сель, затем снова свернули к морю. Далее, посреди маза-

нок, крытых пальмой и бетонных надгробий – вереница худых темнокожих фигур на велосипедах, красноречиво говорящая о том, что до Африки здесь рукой подать. Всю продукцию этого неимоверно щедрого края принято транспортировать на голове – корзины зелени и баклажанов, вязанки дров столы, гробы, тростник, уголь в мешках, воду в вёдрах, и бесщётное количество всякой всячины непонятного предназначения. Большое и малое ставится на макушку не столько в силу необходимости, сколько по привычке бросать вызов законам гравитации. Сбоку от трассы, в тенистом туннеле деревьев *ним* разыгрывался целый водевиль деревенской жизни.

Мне повезло, что рядом была Рашель. Как ребёнок среди аттракционов, она любовалась происходящим, с азартом поясняя то, что я не успевал заметить, а тем более понять без подсказки, и так из анекдотических бытовых мелочей вырисовывалась единая картина. Молодая жизнь самой Рашели тоже была полна контрастов. Прошлой ночью я был очевидцем её шаманства, а теперь, беседуя с нею же, я сознавал, что со мной общается высокообразованный человек даже по американским меркам.

На самом деле, Рашель родилась в США и до десяти лет жила в Массачусетсе. По возвращении на Гаити её определили в частную школу, где на английском языке обучались дети дипкорпуса. Вот почему в поездке за препаратом, который обещал Марсель Пьер, мы говорили с ней то о зомби

и о занятиях в ВУЗе – учебниках, переходах на следующий курс, допусках к экзаменам – а потом речь снова заходила о лоя. Не знаю, заметила ли она, насколько подобные гаитянские темы, ей казавшиеся обыденными, для меня были в новинку. Кажется, да.

– А чем зарабатываете на жизнь? – спросила она среди прочего.

– В основном, этноботаникой.

– Это что такое?

– Нечто среднее между антропологией и биологией. Мы занимаемся поиском новых лекарств в растительном мире.

– И как – находите?

– Пока нет, – усмехнулся я.

– А мне бы хотелось изучать антропологию или литературу. Скорее, всё-таки антропологию.

– Я тоже так считаю. От одних книг устаёшь.

– Я уже устала.

Она стала всматриваться в горные склоны, вздымавшиеся над дорогой вдоль моря.

– Где-то здесь коллега моего отца видел, как из пещеры вылетел огненный шар, – сообщила она.

В Сен-Марке царил покой. В полуденное пекло не высовались даже собаки. В дальних концах пустынных пыльных улиц бледно поблёскивала дымка. Дома из кирпичей и брёвен, обезображенные возрастом, стиснутые в кольцо шероховатыми холмами, на которых не росло ни травинки, и

долгие мили безликих возвышенностей, переходивших в далёкие горы, чьи вершины прятались в небесный горизонт.

Мэром Сен-Марка служил когда-то дядя моей спутницы, но нам не понадобилась его помощь, чтобы найти Марселя Пьера. В городке он был личностью известной. Механик указал на бар и бакалею в северной части города, именуемой Осиными Вратами. Заведение, которым владел Марсель Пьер, называлось «Орёл», и прямо за ним он устроил себе *унфор*.

В сумрачных сенях, подпирая собой музыкальный автомат Вурлицера⁵⁶, маячила доминиканка, явно равнодушная к шумной музыке, изрыгаемой аппаратом даже в столь ранний час. Рашель поздоровалась. Указав нам столик на крыльце, женщина исчезла внутри, оставив после себя кислый запах дешёвых духов. Музыка гремела невыносимо, и мы решили тоже проникнуть внутрь. Задняя часть помещения была разбита на крохотные кабинки, пронумерованные от руки. С потолка свисала лампа без абажура. Я представил, что здесь творится по ночам, в лабиринте ячеек, кишящих податливыми духами телами.

Явился паренёк, после коротких переговоров проводивший нас до ворот, отделяющих унфор от обычного земного мира. Он трижды постучал в ворота. Марсель Пьер показался в обществе томной и невысокой особы женского пола. Сам

⁵⁶ Фирма, занимавшаяся производством электронных фортепиано в 1950-1980-х гг. *

он был высок и мускулист – на худощавом теле выдавались мышцы. Плоское лицо скрывали тёмные очки, а снизу дерзко выпирал кадык. На нём был красный костюм и кепи для гольфа с эмблемой завода по производству инсектицидов.

Как мы договорились ещё по дороге, Рашель представила меня Пьеру как гостя из Нью-Йорка, представляющего влиятельные круги, готовые щедро оплатить его услуги, в том случае, если он будет действовать согласно инструкциям, не задавая лишних вопросов. Такое предложение на Пьера не произвело должного впечатления. Оглядев нас неторопливым и тяжёлым взглядом, он отстранённо произнёс слова, будто говорил не с нами. Выглядел он неестественно спокойно, и вскоре стало ясно, что его волнуют только деньги – когда и сколько.

Я попросил показать, как выглядит легендарное вещество, и он отвёл нас во внутреннее святилище храма, именуемое *баги*. Большую часть помещения занимал алтарь, уставленный аксессуарами, среди которых сверкали порошки, бутылки из-под вина и рома, колода карт, перья, католические литографии, голова куклы и три черепа, среди которых один был собачий, а другой – человеческий. На стене висел выпуклый скелет иглобрюха, кнут из волокна агавы, и жезл, украшенный кольцами тёмной и светлой древесины.

Запустив руку в груды хлама на алтаре, Марсель извлёк пакетик с пузырьком от аспирина. Затем настал черёд бутылки из-под кетчупа. Плеснув на ладони маслянистой жидко-

сти, он натёр ею открытые части тела, и велел нам проделать то же самое. Настой пахивал аммиаком и формалином. Далее, замотав красной тряпичей нижнюю часть лица, он осторожно откупорил пузырёк. Внутри находился зернистый порошок светло-коричневого цвета. Отступив от алтаря, Марсель степенно убрал повязку с левой щеки. На ней красовался свежий шрам. Так он рассчитывал нам показать силу препарата.

Мы приступили к торгам. Колдун вручил мне подобие прейскуранта в продуктовом. Столько-то за зомби, столько-то за отраву. Плюс раскопки на кладбище. Внизу была указана общая сумма. Его бесцеремонная деловитость не внушала ни надежд, ни подозрений. Утром деньги – вечером зомби.

Проведя на острове всего двое суток, я успел поверить, что в этой стране чудес возможно всё что угодно. Я настаивал только на своих условиях. Установленная стоимость вещества будет погашена лишь в том случае, если мне покажут весь процесс, предоставив сырьевые образцы каждого ингредиента. Он задумался, но вскоре согласился. В течении суток мы сообщим о готовности к продолжению сотрудничества, сказал я колдуну.

Тем же вечером, по возвращении в Мариани, я детально обсудил результаты визита с отцом Рашели. Он заверил меня, что хунган без труда вернёт зомбированного в прежнее состояние. Его уверенность, в сочетании с моими сомне-

ниями в том, что зомби вообще существуют, укрепили мою решимость довести эксперимент до конца. Пускай Марсель Пьер покажет, на что он способен, а там видно будет.

На другой день мы приехали утром, и в сопровождении Марсея Пьера отправились в комендатуру за пропуском на кладбище. Нам отказали, но не по моральным причинам, а за отсутствием у меня справок, которые выдают в столице. Марсель намекнул, что вместо свежерытого материала можно воспользоваться подручными костями из его личной коллекции. Я не стал возражать, и первая половина дня была посвящена сбору ингредиентов пресловутой настойки.

В старой аптеке мы закупили несколько пакетов разноцветных присыпок с названиями под стать их магическим свойствам – «ломаю крылья», «реж у воду», «читу перекрёстки». Совершив эти покупки, мы поехали в северную часть для сбора листьев на пустыре. В унформы вернулись за полдень. Под соломенным навесом святилища Марсель Пьер приступил к изготовлению эликсира. Он истолок в ступе сухие листья, затем раздробил человеческий череп, пересыпая осколки содержимым пакетиков. Работал он урывками, но кропотливо, напоминая насекомое, занятое ему одному понятным делом. С наступлением сумерек он вручил мне стеклянную банку, в которой лежал тщательно просеянный им тёмно-зелёный порошок.

Рашель откупорила ром, и трижды плеснула из бутылки на землю, задабривая *лоа*. Марсель одобритительно кивнул.

Отпивая из горлышка, я уведомил Марсея о намерении проверить действие вещества на своём враге. Это один белый иностранец, проживающий в Порт-о-Пренсе. О результатах испытаний я сообщу лично. Выразив глубокую благодарность и передав значительную сумму, я, как было обещано, добавил к ней солидные премиальные. Из унфора я уехал уверенным, что «яд зомби» Пьер готовить умеет. И убеждённым, что вещество, изготовленное им по моему заказу, было пустышкой.

В доме Бовуара, куда мы вернулись вечером, меня ожидали четверо. Хозяин представил только меня, пояснив, что гостей интересует цель моего приезда на Гаити. Развернув пакет, я поставил на стол продукцию Марсея Пьера. Судя по виду главный, – хмурый коротышка с огромным животом, – высыпал горстку на ладонь, ковырнул порошок указательным пальцем и вымолвил: «Слишком *светлый*, на что он годен?»

Его слова были адресованы Бовуару, но рассмеялись все пятеро. Гости не отказались от выпивки, но ушли до начала представления.

– Кто они? – спросил я у Макса, едва мы остались одни.

– Важные люди.

– Хунганы?

Он ответил кивком головы.

Дальнейшие несколько дней я провёл в поисках плантаций калабарской фасоли и дурмана. Гаитянские породы дур-

мана – подобие сорняков, и я надеялся встретить их повсеместно. Как ни странно, обойдя холмы по горной дороге, ведущей к южному порту Жакмель, я встретил единственную разновидность – ползучий кустарник *Datura Metel*, высаженный на домашнем участке, полезный, как мне сказали, при лечении астмы. Что касается фасоли, то и тут меня ожидало разочарование. Прочесав ряд болотистых районов и заплётённый гербарий сельхозминистерства, я не нашёл свидетельств присутствия этого злака на Гаити.

Однако позднее, гуляя с Бовуаром в горах над Порт-о-Пренсом, я всё же отыскал дурман рода *Brugmansia*, растущий там для красоты. По виду это узловатые деревца, увешанные крупными цветами трубообразной формы. Несмотря на отсутствие сходства с длинными и тонкими побегами датуры, химический состав этого вида идентичен ей. И не менее токсичен при попадании внутрь. Именно этой разновидностью одурманиваются перуанские курандеро, называя её *симора*.

Зная, что древесный дурман – растение южноамериканское, и на Гаити попало совсем недавно, я не был уверен, известны ли его свойства здешним крестьянам. Оказалось, что да. Едва я приступил к сбору образцов, с холма прибежали местные, желая узнать, чем меня заинтересовало именно это дерево. Но стоило Бовуару сказать несколько слов, и настроение туземцев существенно изменилось. Двое подростков полезли на дерево за цветами для меня. Я вопросительно

посмотрел на своего гида.

– Я сказал им, что вы *Великий Бва* – дух лесов. – Он ткнул пальцем на старуху с трубочкой в зубах. – Вот она, например, просила, чтобы вы для местных провели купание в травах. Я ответил, что нам некогда. Тогда, говорит, хотя бы детей искупайте. Я ей пообещал, что это как-нибудь в другой раз. Ладно, пойдёмте.

Собрав свои образцы, я спустился с холма на дорогу. К этому времени подножие дерева было усыпано лепестками, и люди запели:

Позови же меня, лесная листва,
Позови же меня, лесная листва!
Позови же меня, лесная листва
Я с детства плясал, хоть был ещё мал.

Озадаченный неожиданным дефицитом датуры в полях южной части острова, я решил, что мне пора обратиться по третьему адресу в списке теоретических помощников. В знойный полдень, когда столица пахнет пряностями, я проведаль хозяйство Ламарка Дуйона. Так звали психиатра, который работал с Клервиусом Нарциссом.

Секретарь проводила меня в строгий кабинет, где помимо стола из чёрной древесины, на бирюзовой стене висело два портрета в рамках под цвет стола. Один представлял собой громадное фото доктора Франсуа Дювалье, чьё место в боль-

шинстве учреждений на тот момент уже занимал его сын⁵⁷. На фото поменьше красовался молодой, с трудом узнаваемый Натан Клайн с армейской стрижкой и в роговых очках. На стене по соседству висела грамота с благодарностью американским институтам за их помощь в строительстве клиники, и ещё одна – с благодарностью фармацевтическим фирмам за бесплатные лекарства на первых порах работы. За решёткой стоял аппарат для лечения электрошоком. Допотопный вид устройства пробуждал нездоровую ностальгию. Обстановка этого места напоминала натюрморт конца пятидесятых. С тех пор никто сюда не вложил ни копейки.

Сам Ламарк Дуйон оказался благостным и тактичным джентльменом, чья проблема не столько в недостатке субсидий, сколько в несоответствии западного уровня его квалификации как учёного – уровню развития туземцев и нарочито африканскому духу местной культуры. Ламарк Дуйон пытался «сидеть на двух стульях». Как руководитель единственного на острове института психиатрии, он был авторитетным специалистом мирового класса, но как лечащий врач – он практиковал там, где европейские представления о здоровой психике не стоят ничего.

Научный интерес Дуйона к феномену зомби восходит к серии опытов, поставленных им в конце 1950-х гг., ко-

⁵⁷ Сын Франсуа Дювалье, Жан-Клод (1951–2014), стал президентом Гаити после смерти отца в 1971 г. и оставался в должности до военного переворота в 1986 г. *

гда он учился в ординатуре при Университете Макгилла. Психофармакология переживала взлёт. Обнаружив целебные свойства ряда наркотических средств, психиатры осторожно проверяли воздействие этих психотропных субстанций на человеческий организм. Результат некоторых опытов напомнил молодому фармакологу сказки про зомби, которые он слышал в детстве. Согласно гаитянскому поверью, ключевую роль в этом процессе играло вещество, вызывающее подобие смерти с последующим оживанием жертвы. По возвращении на родину он возглавил местный центр неврологии и психиатрии, будучи, подобно Клайну, убеждённым сторонником существования таких веществ.

– Зомби не может быть живым мертвецом, – настаивал Дуйон. – Поскольку смерть не только приостановка функционирования организма, но и начало разложения его клеток и тканей. Мертвецы не просыпаются. А те, кого одурманили, всё-таки приходят в себя.

– Но позвольте, доктор, у такого препарата должен быть точный рецепт?

– Змеи, тарантулы, почти все гады ползучие... – он на миг призадумался. – Или скачущие. Постоянно фигурирует огромная жаба. Ну и человеческие кости. Их, правда, много куда добавляют.

– А вам известна точная порода этих жаб?

– Боюсь, что нет. Зато есть одно растение... Мы зовём его *concombre zombi* – зомбийский огурец.

– А, и вам тоже известна датура? – Тут я поделился с ним сведениями относительно калабарской фасоли.

Он заявил, что никогда не встречал её на Гаити, что же касается датуры, во время опытов у Макгилла его консультант упоминал её в числе растений, тесно связанных с фольклором на тему зомби. При помощи её листьев им удалось вызвать трёхчасовую кататонию у мышей. К сожалению, их опыты прекратились с уходом профессора Камерона.

– Это был Юэн Камерон?⁵⁸

– Он самый. Знаете, о ком речь?

– Наслышан. Но не в этой связи. – Покойный Юэн Камерон возглавлял институт Аллена в Монреале в 1957–1960 гг. Клайн называл этот промежуток тёмными веками психиатрии. Тогда там активно экспериментировали с ЛСД, и спонсором программы выступало, между прочим, ЦРУ. Известность профессор получил благодаря методу лечению шизофрении, которую он изучал, комбинацией ЛСД с электрошоком. Как только от него удалось избавиться, новое руководство тут же свернуло подобную терапию.

Должно быть, датура и есть главный ингредиент порошка,

⁵⁸ Дональд Юэн Камерон (1901–1967) – американский психиатр шотландского происхождения, президент Американской психиатрической ассоциации (1952–1953) и Всемирной психиатрической ассоциации (1961–1966). В начале карьеры практиковавший «щадающие» методы лечения Камерон в 1950–1960-х гг. совместно с ЦРУ проводил на своих вольных и невольных пациентах печально известные опыты по «перестройке сознания» с помощью электросудорожной терапии. *

который рассыпают в виде креста на крыльце или за порогом. Крестьяне говорят, что жертве достаточно пройти через этот крест.

– И в каком количестве?

– Совсем немного. Порядка столовой ложки.

– Прямо на земле?

– Яд проникает сквозь подошвы ступней.

С этой проблемой сталкивался я сам. Отдельные племена Восточной Африки травят врага, подбрасывая на тропу колочие фрукты, смазанные ядом. Датура – отравка весьма действенная, но трудно представить, как она или любое другое вещество попадает в организм без укола через заскорузлые и заросшие мозолями ступни гаитянского крестьянина. Также непонятно, каким образом отравитель, распылив порошок над порогом, может быть уверен, что пострадает только намеченная им жертва. Дуйон наверняка имел опыт непосредственного общения с изготовителями препарата.

– В Сен-Марке мне был знаком один бокор, – признался Дуйон. – От него я получил капсулу с белым порошком.

– Его звали Марсель Пьер?

– И вы его знаете? – собеседник был явно смущён моей осведомлённостью.

– Мне его рекомендовало Би-би-си. Мы общались пару дней назад. Скажите, это тот самый порошок, которым вы поделились с Клайном?

– Здесь у нас не было условий для полноценной проверки.

А Клайн так и не прислал мне результаты своих тестов.

– А их и не было, по крайней мере, положительных.

Мой ответ обескуражил Дуйона, но мне удалось поднять ему настроение новостями от англичан, чей образец всё же проявил признаки биологической активности.

– Они и его получили от Марсея Пьера? – спросил он. Я кивнул, и он поморщился. – Станный тип этот Пьер. Он не рассказывал вам, скольких людей отправил на тот свет?

– Нет.

– Такие люди преступники, – хмуро вымолвил Дуйон. – Иметь с ними дело всегда опасно.

Тут он поведал мне, как водил съёмочную группу иностранцев на кладбище в одном городке, чтобы заснять эксгумацию готового зомби. У ворот их встретила вооружённая банда, которая повредила камеры и посадила чужаков под арест. С тех пор он избегает экскурсий подобного рода.

Дуйону понадобилось выйти, чтобы ответить на звонок. Он оставил мне для ознакомления одну бумагу. Это была копия статьи 249 УК Гаити, касательно химического зомбирования. Она запрещала применение любых веществ, вызывающих глубокую летаргию, не отличимую от смерти. В случае погребения жертвы, подчёркивалось в документе, это будет рассматриваться как убийство, вне зависимости от конечного результата.

Стало быть, гаитянские власти допускают существование подобных практик. Я просмотрел остальные документы в

папке на столе. Там лежал отчёт о состоянии Нарцисса с момента его смерти в клинке Швейцера. Симптомы говорили сами за себя: отёк лёгких, резкая потеря веса, переохлаждение, почечная недостаточность и гипертония.

Я не знал, как мне быть дальше с Дуйоном. Его энтузиазм заслуживал уважения. Как-никак, а двадцать лет упорных поисков привели нас к Нарциссу и Франсине Иллеус. С другой стороны, формула препарата по-прежнему оставалась загадкой. Он, как и я в период работы над калабарской теорией, был убеждён, что главным ингредиентом служит датура. Тем не менее за столько лет исследований единственным доводом в пользу этого остаётся местное название растения – *огурец зомби*. Попыты над мышами ничего не доказывают, поскольку состояние глубокой кататонии у бедных грызунов можно вызвать чрезмерной дозой чего угодно. Допустим, это и в самом деле датура, но за двадцать с лишним лет Дуйон так и не смог доказать это документально.

Существовала и другая проблема. Будучи психиатром западной школы, он трактовал зомби как мужчину или женщину, которых одурманили, закопали живьём, а затем реанимировали, о чём свидетельствует ряд симптомов. Но психическое состояние пострадавшего не даёт ответа на вопрос, почему именно он оказался жертвой этого ритуала. На языке медицины зомби можно назвать шизоидным кататоником. Обоим заболеваниям свойственны периоды каталепсии, перемежаемые всплесками активности и оцепенения.

Но эта форма шизофрении встречается повсеместно и является следствием ряда процессов, провоцирующих резкое нарушение психики. В число таких процессов, возможно, входит и зомбирование. Если верить показаниям Нарцисса, мы имеем дело с экстраординарным феноменом, требующим всамделишного погребения живьём. Что, в свою очередь, вполне способно привести к помешательству. Только ведь зомби это не просто комплекс симптомов – они, если только они существуют, являются частью общества и специфической туземной культуры.

Значит, должны быть и люди, занятые изготовлением препарата, решающие кого, когда и как зомбировать, и так далее, вплоть до распределения жертв по рабочим местам и ухода за ними.

И опять же, если производство зомби не миф, обоснование этого феномена коренится в религиозно-общественной структуре гаитянского села. Вот в чём заблуждается Дуйон, низводя *зомбирование* до уровня не вполне рядового уголовного преступления, тогда как её причины и цели следует искать в туземных традициях. Интересует его лишь врачебная и эмпирическая сторона дела, а проблема намного шире и глубже. Одно из его замечаний относительно Франсины Иллеус я нашёл особенно любопытным. Когда он попытался вернуть несчастную по месту жительства, она была отвергнута собственной семьёй. Столь бессердечное поведение Дуйон объясняет неспособностью прокормить инва-

лида. Однако в период пребывания на Гаити я наблюдал совсем иное, заботливое отношение аборигенов к беспомощным членам семьи. Чутье подсказывало, что односельчане видели во Франсине нечто большее, нежели «лишний рот».

Скрипнула стальная дверь, и за моей спиной послышалось шлёпанье босых ног по цементному полу. Дуйон вернулся в обществе медсестры и двух пациентов. Одного из них я узнал тотчас же.

При встрече представителей двух диаметрально противоположных миров понятие «нормы» весьма относительно. Мне было сложно оценивать состояние Нарцисса после того, что он перенёс. Внешне он выглядел вполне здоровым. Говорил медленно, но членораздельно. В целом, история выпавших на его долю злоключений была идентична рассказу Клайна, однако в ней обнаружилось несколько необычных деталей. Шрам на правой щеке был нанесён гробовым гвоздём. Лёжа в гробу, он отчётливо слышал рыдания скорбящей сестры. Он помнил, как врач констатировал его смерть. До и после погребения ему казалось, будто он парит над могилой. Его душа была готова к отлёту, который пресекло появление колдуна и его подручных. Он не мог сказать точно, сколько времени провёл под землёй, когда те подошли к могиле. Не менее трёх суток. Могила разверзлась, когда они его называли по имени. Его схватили и принялись бичевать. Затем связали верёвкой и обернули чёрным саваном. Связанного, с кляпом во рту, его вывели с кладбища двое. Шайка кол-

дуна ушла на север. Посреди ночи его провожатых сменили новые. Передвигаясь по ночам и скрываясь в дневное время, Нарцисс переходил из рук в руки, пока не очутился на сахарной плантации, где провёл два года.

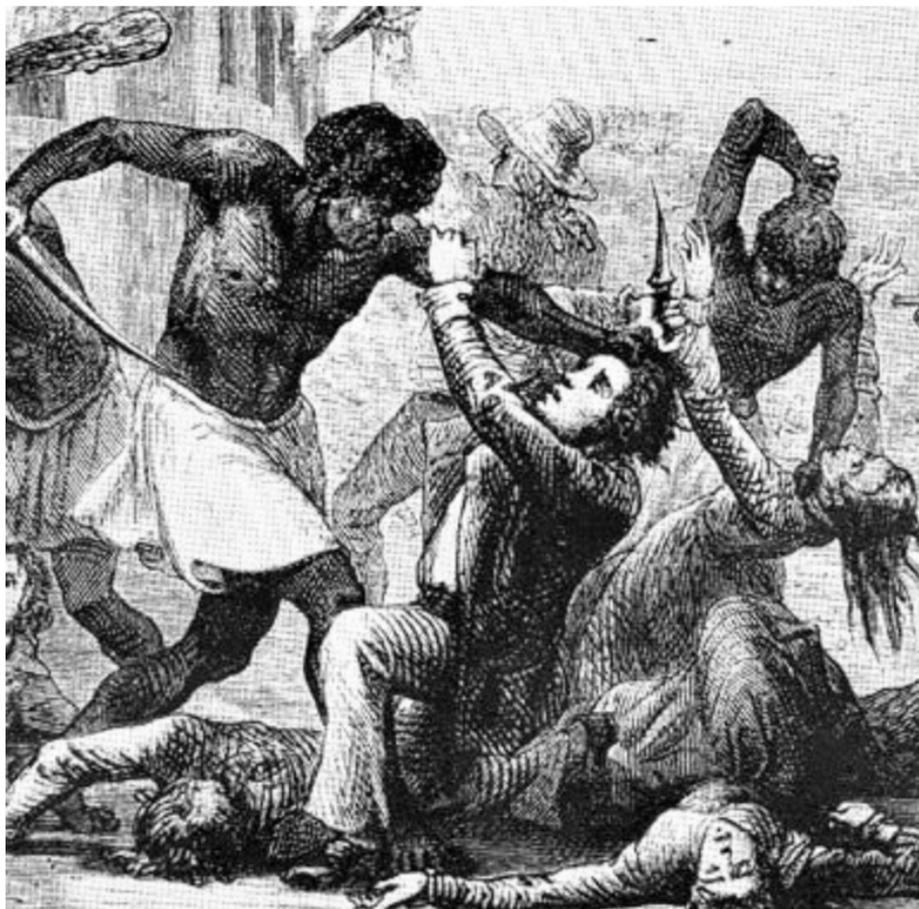
Дуйон угостил второго пациента сигаретой с ментолом. Женщина курила рассеянно, роняя пепел на подол. Передо мной была та самая Франсин Иллеус, больше известная как «Ти Фамм» или «мадам Ти». Это её нашли скитавшейся по рынку в Эннери крестьяне-баптисты, в апреле 1979-го. Они сообщили о находке зомби в свою миссию. Её руководитель, американец Джей Эшерман, отправился в Эннери, где увидел измождённую Франсину. Несчастливая сидела на корточках, прижимая к лицу скрещённые руки. Тремя годами ранее она была признана умершей после непродолжительной болезни. Местный судья, не зная, что ему делать с тем, кто официально покойник, охотно доверил женщину Эшерману, который, в свою очередь, передал её для дальнейшего излечения в психиатрическую клинику, где ею занимается доктор Дуйон.

В момент госпитализации больная была истощена, не произносила ни слова и ни с кем не шла на контакт. Вот уже три года, как Дуйон пытается привести её в чувство при помощи нейролептиков и гипноза. Порой кажется, что дела Франсины и впрямь идут на поправку. Но разум её по-прежнему слаб. В глазах пустота, и каждый жест даётся ей с трудом. При заботливой подмоге врача, она произнесла несколько

слов слабым тоненьким голоском. Слова её прозвучали тускло и невыразительно, а ходила она как существо, бредущее по дну океана, на которое давит тяжким весом вся толща воды.

V. Занятие по истории

Всю первую неделю на Гаити и несколько следующих дней я часто всё утро беспокойно прохаживался от номера до ве-

ранды отеля, хватаясь то за ручку, чтобы тут же её бросить, то за книгу, которую оставлял лежать на столе раскрытой. Если туристы интересовались, кто я такой, я говорил неправду.

Прошло двенадцать дней, а я по-прежнему ни с чем. Порошок от Марселя Пьера – явная подделка. Клиника Дуйона также, похоже, ничего нового мне не могла дать. Что за поразительная страна! Теряя голову от многообразия её обличей, благоговей перед её таинствами, одуревая от её противоречий, я шагал из угла в угол ночи напролёт. Только под утро, покаясь усталости или красотам столичного града в лучах рассвета, я обретал покой. Иногда, не открывая глаз, в тишине, нарушаемой щебетаньем какой-то неведомой мне тропической птицы, я слышал тайные послания, которые шептала мне сама эта земля, и успевал прозреть их смысл. Я уже стал серьёзно относиться к этим «сеансам» связи, поскольку вопросы, на которые я пытался найти логический ответ, раз от разу лишь возвращали меня к исходной точке.

Вот почему я столь охотно, забыв про зомби, принял приглашение Бовуара поучаствовать в сборе целебных листьев. Воскресить настроение наших экспедиций, окутанных ностальгической дымкой, теперь непросто, да это и не нужно. Мы исколесили остров вдоль и поперёк, постоянно обсуждая его силу и бессилие, его историю, часто забывая о цели нашего предприятия.

Макс Бовуар преподнёс мне Гаити как подарок. Образы

по-прежнему стоят перед моими глазами: уличные продавцы трав под тряпичным навесом, голые сборщики риса, вереница крестьян на горной тропе, ангельские личики их детей, чёрные, словно тени. Дни пролетали, уступая место ночи, с её бесконечным пением и грохотом барабанов, изнуряющим настолько, что ты уже не понимал, что для тебя желаннее, чтобы они сию минуту смолкли, или доиграли до конца. Результатом этих экскурсий стал урок истории, позволивший мне хотя бы отчасти разгадать тайны гаитянской земли.

В последней четверти XVIII-го века французская колония Сан-Доминго⁵⁹ вызывала зависть всей Европы. Какие-то тридцать шесть тысяч белых плюс столько же свободных мулатов⁶⁰ командовали полумиллионной армией рабов, про-

⁵⁹ В 1659-1803 гг. остров Гаити был французской колонией Сан-Доминго. *

⁶⁰ Мулаты – потомки европейцев и туземцев после открытия Нового Света. Первоначально, «белых» мужчин и темнокожих женщин, именно в таком значении слово «мулат» впервые отмечается в «Описании первого путешествия, совершённого французами в Ост-Индию» (1604) французского судового врача Франсуа Мартена (1575-1631). Вероятно, «мулат» – это искажённое арабское

مولد

слово *муваллад* (), которым называли «нечистокровного» араба. Оно восходило к корню со значением «рождать» и может быть переведено как: «отпрыск» или с оттенком пренебрежения: «последыш», «уродившийся». В колониальную эпоху существовала градация мулатов в зависимости от доли «белой» крови, повышавшей шансы потомков на высокое общественное положение. Получавшие от отцов свободу (в отличие от темнокожих рабов) мулаты стали основой колониальных элит. *

изводя *две трети* всего оборота морской торговли Франции, которые давали фору и американскому (Соединённые Штаты недавно образовались) и годовому объёму продукции всех испанских владений на Карибах.

За один только 1789-й для экспорта хлопка, индиго⁶¹, кофе, кожи, табака и сахара потребовалось 4000 судов. При Старом режиме⁶² от этой торговли экономически зависело не менее 5 млн. населения Франции из тогдашних совокупных 27-ми. Такая концентрация богатств делала Сан-Доминго жемчужиной Французской империи и самым вожделенным куском суши в этом столетии.

В 1791-м, спустя два года после Революции, колонию Сан-Доминго потрясло и позднее просто отправило в небытие единственное успешное восстание невольников в истории региона. Двенадцать лет кряду бывшие рабы бились с ведущими державами Европы. Первыми были отбиты атаки горстки бывших королевских военных, за ними республиканцев, потом та же участь постигла испанцев и англичан. В декабре 1801-го, за два года до Луизианской сделки⁶³, На-

⁶¹ Порошок из листьев растения *индигофера*, произрастающего в Индии и тропиках, использовался как краситель (ныне синтезируемый искусственно) для окрашивания тканей в синий цвет. *

⁶² Старый режим или Старый порядок – обозначение государственного устройства Франции до Великой французской революции, разразившейся в 1789 г. *

⁶³ Обширные земли у побережья Мексиканского залива под названием Луизиана, которые с 1762 г. являлись испанской колонией, отошли в 1803 г. наполеоновской Франции, быстро согласившейся (несмотря на противодействия ря-

полеон, на вершине своего могущества, послал на мятежников самую многочисленную экспедицию, которая когда-либо отплывала из Франции. Среди её задач было установление контроля над побережьем Миссисипи, блокировка экспансии Соединённых Штатов и восстановления контроля Французской империи над бывшими британскими землями Северной Америки. По пути в Луизиану войскам было приказано высадиться на мятежном острове.

Двадцать тысяч опытных бойцов под командованием избранных офицеров из гвардии Бонапарта, ведомых лично шурином императора Шарлем Леклерком⁶⁴. При виде карательной флотилии у берегов Сан-Доминго вожди повстанцев впали в отчаяние, решив, что на подавление мятежа брошена вся Франция.

Но генерал Леклерк так и не доплыл до Луизианы. Не пройдёт и года, как он умрёт от лихорадки, а от 34-тысячной армии останется две тысячи жалких доходяг. После смерти Леклерка командование будет передано гнусному Жан-Батисту де Рошамбо⁶⁵, который объявит туземцам вой ну на

да государственных деятелей Франции) продать её США. *

⁶⁴ Шарль Леклерк (1772–1802), который начал карьеру во время Великой французской революции, получил звание дивизионного генерала при Наполеоне, на сестре которого, Полине (1780–1825), был женат. В декабре 1801 г. был назначен командующим экспедицией по усмирению мятежной колонии Сан-Доминго, в ноябре 1802 г. скончался от тропической лихорадки. *

⁶⁵ Жан-Батист Донасьен де Вимёр, граф де Рошамбо (1725–1807) был прославленным военным во Франции Старого порядка (среди прочего, принимал участие в Войне за Независимость США), при республиканской власти в 1791 г.

истребление. Рядовых пленным станут жечь живьём, командиров – приковывать к скалам, обрекая на голодную смерть. Жену и детей одного из вожаков восстания утопили у него на глазах, пока французские матросики гвоздями прибивали к его голым плечам офицерские эполеты «командующего». С острова Ямайка было завезено полторы тысячи собак, натасканных на темнокожих рабов, которые будут терзать живых пленников в наспех сооружённых для этого зрелища амфитеатрах Порт-о-Пренса.

И несмотря на все эти зверства, Рошамбо проиграл. Двадцать тысяч солдат подкрепления постигла участь их предшественников. К ноябрю 1803-го французам пришлось убраться восвояси, потеряв в сражении за остров шестьдесят тысяч своих никем туда не званных соотечественников.

Исторический факт разгрома повстанцами одной из лучших армий Европы бесспорен, но вспоминают о нём неохотно, как правило, искажая причины победы.

Существует два расхожих объяснения этому чуду. Одни утверждают, будто белые захватчики погибли не от руки повстанцев, а в результате свирепой эпидемии жёлтой лихорадки. То, что ею переболело множество солдат, не вызывает сомнений, но этой теории противоречат две вещи. Во-первых – европейские армии побеждали в других частях плане-

стал маршалом. Справедливости ради стоит отметить, что террор против негритянского населения как средство подавления беспорядков значился в планах ещё его предшественника на посту командующего карательной экспедицией Леклерка. *

ты, невзирая на обилие туземных болезней. Во-вторых – лихорадка приходит на Гаити со сменой времён года, её вспышка совпадает с сезоном дождей в апреле. Однако корпус Леклерка высадился на острове в феврале 1802-го, успев потерять десять тысяч ещё до начала эпидемии.

Согласно второй теории, фанатичные и обезумевшие орды чёрных дикарей, нечувствительных к боли, попросту завалили трупами цивилизованных европейцев, действовавших по правилам военной науки. В первые дни восстания безоружные рабы действительно сражались с отчаянной отвагой. Согласно донесениям, они шли в атаку на штыки и пушки с ножами и копьями, уповая на поддержку африканских духов, которые в случае смерти унесут освобождённую душу на землю родной Гвинеи. Однако этот фанатизм рождала не только сила духа, но и вполне рациональная оценка шансов на победу, которая означала свободу, тогда как в случае сдачи в плен или поражения мятежников ожидали пытки и мучительная смерть. Более того, когда первый фанатичный порыв повстанцев иссяк, число реальных участников боевых действий было невелико. Крупнейшее повстанческое подразделение насчитывало восемнадцать тысяч человек. Как это всегда бывает, революцией руководило активное меньшинство противников тирании. Европейцы страдали от лихорадки, но побеждали их не шайки мародёров, а дисциплинированные мобильные ячейки сознательных бойцов, ведомых талантливыми командирами.

Историки не только искажают характер противостояния, но и ошибочно идеализируют вождей восстания. В первую очередь, Франсуа-Доминика Туссен-Лувертюра⁶⁶ и его ближайших соратников, приписывая им высокие идеалы, которые на самом деле были не так уж возвышенны. Важнейшей задачей французов после подавления мятежа было восстановление сельского хозяйства с целью экспорта урожая. Какими методами – значения не имело. Осознав невозможность реставрации рабства ещё до попытки Наполеона покорить остров силой оружия, французские министры разработали альтернативную систему, при которой вольноотпущенник, получая свою долю земли, оказывался вовлечён в новую форму подневольного труда.

Плнтации должны были остаться в прежнем виде. Дефицит военного присутствия вынудил французов обратиться к вождям революции, среди которых нашлось немало пособников, включая самого Туссен-Лувертюра, сыгравшего важнейшую роль в деле восстановления французского владычества над островом.

Однако французы жестоко ошиблись, полагая, что коллаборанты готовы плясать под парижскую дудку. Темнокожие вожди воплотили свой давний план, закрепив за собой статус местной элиты при новом режиме.

⁶⁶ Франсуа-Доминик Туссен-Лувертюр (1743–1803) – лидер Гаитянской революции, в результате которой Гаити стало первым независимым государством Латинской Америки.

Демонтаж колониальной системы плантаций не входил в планы Туссен-Лувертюра. Преданный, по идее, возвышенным идеалам, на практике он склонялся к тому, что единственной гарантией процветания и свободы островитян остаётся сельское хозяйство. Один из устойчивых мифов о гаитянской революции гласит, будто плантациям, уничтоженным на первом этапе восстания, так и не удалось вернуть прежнюю продуктивность из-за некомпетентности чёрного руководства. Это фактически неверно. Придя к власти, Туссен-Лювертьюр восстановил сельское хозяйство острова на две трети от колониального уровня. Прояви французская буржуазия готовность разделить власть с правящей верхушкой мятежников, экспортная экономика могла бы ещё на какое-то время сохраниться на прежнем уровне. Её падение было обусловлено не дееспособностью или безразличием новой элиты, и даже не хаосом в результате вторжения генерала Леклерка. Постепенный и неизбежный отказ от чисто экспортной экономики был заложен в системе управления островом французами, последовательно проводимой ими в жизнь задолго до событий 1791-го года.

Французские землевладельцы, столкнувшись с непростой проблемой – как прокормить полмиллиона рабов – выделяли земельные участки, на которых те сами могли выращивать для себя пропитание. Подобные хозяйства позволяли крестьянам торговать излишками на стороне, что привело к развитию *внутреннего* рынка, который функциониро-

вал вполне успешно даже до восстания. Так землевладельцы, думая о своей выгоде, сами того не сознавая, заложили основу местного сельского хозяйства. Устойчивый миф номер два гласит, что рабов, освобождённых от подневольного труда, практически невозможно заманить на поля обратно. Хотя, на самом деле, с наступлением мира именно туда и возвратилось подавляющее большинство бывших невольников, энергично приступив к производству основных продуктов питания, в которых страна испытывала острейшую потребность. Читая популярные хроники двенадцати военных лет, может показаться, что все эти годы население острова в поисках пропитания поедало что придётся. Ничего подобного – туземный рацион состоял из бобов, батата и бананов, которые большинство бывших рабов, а ныне свободных крестьян, растили и собирали на своих участках с целью дальнейшей продажи. Таким образом, проблемой местной элиты эпохи Революции было не вернуть людей к труду на земле, а вернуть их из *собственных хозяйств* на плантации.

Независимое крестьянство совсем не устраивало чернокожую хунту. Бригадный генерал Жан-Жак Дессалин⁶⁷ носился с идеей экспортной экономики на основе труда каторжников, пока его самого не прикончили в 1806-м. Анри Кристоф⁶⁸, правивший северной частью острова вплоть до 1820-

⁶⁷ Жан-Жак Дессалин (1758–1806) – один из лидеров Гаитянской революции, правитель Гаити, провозгласивший себя императором Жаком I. *

⁶⁸ Анри Кристоф (1767–1820) – правитель государства (с 1811 г. – королевства)

го, практиковал методы управления в лучших традициях колониальной эпохи. В течении десяти лет ему удавалось содержать роскошный дворец, построенный на средства от экспорта местной сельхозпродукции. Дело закончилось мятежом и смертью ветерана революции, после чего прекратились серьёзные попытки внедрения экономики данного типа.

На первых порах независимое Гаити представляло собой образование полнокровное внутри, но апатичное вовне. Экспорт фактически прекратился. В колониальные времена экспорт сахара достигал 163 млн. фунтов в год. К 1825-м он упал до двух тысяч, частично импортированных с Кубы. Развал экономики традиционно приписывали неспособности чернокожих к самоорганизации. На самом деле, статистика говорила о нежелании крестьян подчиняться системе, которая, напрямую завися от их труда, обогащает только узкий круг аристократии. Гаитянская экономика не рухнула, а попросту изменилась. Ничтожные доходы от экспорта вскоре привели к банкротству правительства. Уже к 1820-м году президент Жан-Пьер Буайе⁶⁹ был вынужден платить армии

на северо-западе Гаити, провозгласивший себя королём Анри I. *

⁶⁹ Жан-Пьер Буайе (1776–1850) – президент Гаити в 1818–1843 гг., объединивший остров в составе тогдашней республики в 1822 г. Правление Буайе, на редкость продолжительное для «мятежного» Гаити того времени, было ознаменовано успешными экономическими реформами. В отличие от прежних правителей, которые родились рабами и остались неграмотными, а жизнь в результате борьбы за власть закончили трагически (Дессалин был растерзан толпой, а Кристоф застрелен), мулат Буайе получил военное образование на родине отца в Париже,

жалованье раздачей военным земельных наделов. Дав простым солдатам «вольную» на получение земли, он тем самым похоронил давнюю мечту о восстановлении плантаций. Поняв, что льготы на экспорт не приносят и не принесут прибыли, Буайе приступил к налогообложению шедших в рост крестьянских хозяйств. С помощью налоговых ставок для сельских рынков ему удавалось извлекать какую-то прибыль, но в исторической перспективе гораздо важнее было то, что он узаконил саму процедуру налогообложения. Затем, не имея возможности взимать мзду за землю, которая уже стала собственностью крестьян, он нашёл единственный способ повышения доходов. Он официально начал продавать им землю. Такой шаг выглядел серьёзной заявкой со стороны центрального правительства, поскольку сельские районы периферии тогда будут находиться под полным контролем крестьян. Бывшие рабы прочно осели на своей земле и не собирались её покидать. Центр пошёл на уступки, норовя извлечь минимальную выгоду из неподконтрольной ему ситуации.

И кем же были эти оседлые крестьяне, пустившие корни на гаитянской земле? Какую-то часть составляли потомки рабов, завезённых испанцами ещё в 1510-м, но большинство год от года заново рождались в Африке. В промежутке между 1775-м и началом революции 1791-го колония процве-

где и провёл последние годы жизни после отставки. Как и его предшественник на посту президента Гаитянской республики на юго-западе острова Александр Петсион (1770–1818), Буайе лишь в 1802 г. возвратился на Гаити с карательным экспедиционным корпусом Леклерка и тогда присоединился к сепаратистам. *

тала как никогда. Производство кофе и хлопка возросло на 50 % за шесть лет, параллельно росла численность населения, которое удвоилось. Но из-за чудовищных условий труда на плантациях гибло до семнадцати тысяч рабов ежегодно, а прирост населения не превышал одного процента. По этой причине за последние мирные четырнадцать лет Франция завезла на остров не менее 375 тыс. африканских невольников. Выражаясь фигурально, ноги современного гаитянина-земледельца растут из Африки.

Вчерашние рабы, освоившись на петлистых и укромных скалах гористого острова, прибыли из разных мест древнего континента, Африки, привезя с собой множество культурных традиций. Среди них были ремесленники и музыканты, кузнецы и знахари, те, кто выдалбливали лодки и изготавливали барабаны, колдуны, воины и земледельцы. В невольничьей массе можно было встретить особу королевской крови и того, кто появился на свет рабом ещё в Африке. В целом, все они были жертвами зверской системы, лишавшей человека корней, но каждый в отдельности являлся хранителем устных преданий, музыкального и хореографического фольклора, медицины и тайных преданий, которые он в первоизданном виде унёс на чужбину. На синкретическое слияние этих разнообразных верований и знаний, которые преобразовались во что-то новое и цельное, оказали решающее влияние несколько лет глухой изоляции острова в начале XIX-го века, выпавшие на долю этого края.

В глазах мирового сообщества гаитяне были нацией отверженных. Кроме наскоро созданной американцами Либерии⁷⁰, Гаити оставалась единственной независимой республикой чёрных на протяжении ста лет. Само её существование было занозой в боку колониальной системы. Местные власти активно поддерживали борьбу за искоренение рабства в соседних странах. Прежде чем возглавить борьбу за освобождение Венесуэлы и других испанских колоний, на острове скрывался Симон Боливар⁷¹. Власти Гаити совершали символически недвусмысленный поступки, в пике США выкупая суда с партиями рабов, доставляемых в Америку морским путём, *чтобы их освободить*. Более того, иностранцам было строжайше запрещено владеть на острове землёй и недвижимостью. Этот закон ни в коей мере не тормозил коммерческие отношения, но ощутимо менял их характер. В период проникновения европейского капитала во все точки земного шара, Гаити сохраняла относительный иммунитет

⁷⁰ Рост числа рабов-вольноотпущенников в США после Войны за Независимость, заложившей основу для отмены рабства в Америке в следующем столетии, породил план их «репатриации» в Африку. Силами образованного в 1816 г. Общества цветных американцев по колонизации, на землях, приобретённых на побережье Гвинейского залива для этой цели, была в 1822 г. основана колония под названием Либерия («Свободная страна»), в 1847 г. провозгласившая независимость. *

⁷¹ Симон Боливар (1783–1830) – борец за независимость южноамериканских колоний от испанской короны, в честь которого названо государство Боливия. Пользовался поддержкой президента Гаити в 1807–1818 гг. Александра Петииона (1770–1818). *

против этой «заразы». Ограничения затрагивали даже гегемонию католической церкви. Её клир, чьё влияние было не таким уж и сильным даже при французской власти, после революции лишился его практически полностью.

В первые полвека гаитянской независимости остров от Ватикана официально откололся. Являясь официальной религией финансово-политической элиты, католичество почти не было представлено в сельской местности.

А тем временем взаимное отчуждение иного рода росло внутри страны. За столетие построенные в эпоху колониализма дороги пришли в негодность, но не ремонтировались, катастрофически расширив культурную пропасть, отделяющую город от деревни. Что в свою очередь усугубило отчуждение двух радикально противоположных сегментов гаитянского общества. Деревенский элемент составляли бывшие рабы, а городской – потомки богатых мулатов, чьё французское гражданство давало им самим гнусное право владеть рабами. Уже на первых порах независимости это вопиющее противоречие породило острейший антагонизм двух социальных групп, уходящий далеко за пределы классового неравенства. На одной территории возникли два абсолютно чуждых друг другу мира.

Несмотря на патриотизм, примером культуры и духовности для городской элиты служила Европа. Горожане были хорошо образованы, посещали церковь и говорили на французском языке. Дамы одевались по парижской моде, а госпо-

да, получая свою долю, служили интересам американского и европейского капитала. Молодёжь часто бывала за границей, не только в поисках развлечений, но и для повышения квалификации, гарантирующей по возвращении на родину престижные должности в администрации и армии. Законодательство страны, следуя примеру бывших хозяев, копировало Кодекс Наполеона. По европейским стандартам это был узкий круг друзей и кланов у власти, представляющий не более 5 % всего населения. Но именно он контролировал политическую и финансовую власть молодой страны.

Глубинка тем временем продолжала жить по традициям предков, игнорируя европейскую модель. Но отдельные веяния Старого Света проникали и туда, препятствуя сохранению первобытных обычаев и нравов в чистом виде. В результате сформировался гротескный сплав пережитков африканизма, занесённых на остров из различных точек Чёрного континента.

Примечательно, что эти люди считали себя потомками не тех или иных африканских племён и царств, а «детьми Гвинеи», чьё прошлое, утрачивая историческую точность, дрейфовало в область мифологии. И со временем коллективная память обездоленных стала основой специфической, но устойчивой культуры новых поколений.

Следы африканского прошлого в сельской зоне Гаити можно встретить на каждом шагу и сегодня. Шеренги работников на полях синхронно вздымают мотыги под аккомпа-

немент барабанов, а за спиной музыкантов дымятся котлы с просом и бататом, сулящие обильную трапезу.

В придорожном посёлке, или «лаку», морщинистый старец – душа местного общества. На каждом перекрёстке действует свой рынок, притягивая к себе жительниц окрестных холмов. По горной тропе грациозно плывёт вереница девушек с корзинами риса на голове. Пожилая погонщица ведёт полдюжины ослов, гружёных плодами яичного дерева. Это зримые образы, а есть ещё и звуки – эхо народных песен вдалеке, гомон и звон базара, переливы креольской речи, чьё каждое слово втиснуто в рамки западноафриканского диалекта. Каждый из этих разрозненных элементов является частью единого колорита – коллективный труд на полях, авторитет старейшины, доминирующая роль женщин в рыночной торговле. И всё это в свою очередь помогает разобраться в замысловатой общественной иерархии.

И всё же внешний вид не полностью отражает уровень сплочённости крестьянского сообщества. Чтобы это передать, понадобился бы особый «телепатический» код, где главное – интонация, которую надо не только замечать, но и чувствовать. Ибо, чтобы выжить в этом призрачном краю живых и мёртвых, необходима единящая всех неразрывной цепью вера.

Водун – не просто замкнутый культ здешних краёв, а комплекс мистических воззрений, система верований, затрагивающих связи человека с природой и сверхъестественными

силами вселенной. Перемежая тайное и явное, она упорядочивает хаос, позволяя постичь непостижимое. Водун нельзя отрывать от повседневной жизни верующих. Подобно африканцам, гаитяне не отделяют сакральное от светского, святое от греховного, материю и дух. Каждый танец, каждая песня, каждое действие – частица единого целого, индивидуальный жест – мольба о коллективном выживании.

Столпом сельского общества является *хунган*. В отличие от католического священника, этот служитель культа не ограничивает доступ простых смертных к духовной сфере. Водун – религия народная. Каждый верующий связан с духами напрямую, и они беспрепятственно проникают в его тело. Католик *идёт* в церковь, чтобы *поговорить* с Богом, шутят гаитяне, а водунист *пляшет* в храме, чтобы самому им *стать*. Тем не менее функции хунгана жизненно важны. В роли богослова он должен разъяснять сложные места, расшифровывать символизм камней и листьев.

Водун – не только кладезь духовных представлений, он предписывает простым верующим, как жить, как думать и как себя вести, формируя нормы общественной этики. О конгрегации водун можно говорить так же уверенно, как о конгрегации христиан или буддистов со всем набором сопутствующих дисциплин, куда входят живопись и музыка, обучение передаваемым из уст в уста песням и преданиям, широкий спектр медицинских услуг, а также судебная система, выстроенная по канонам туземной морали. На деле хунган

является лидером общины, сочетая эту должность с функциями психолога, терапевта, гадалки, музыканта и целителя. От его духовно-нравственного авторитета зависит хрупкое равновесие космических энергий и то, «куда дует ветер».

В жизни адепта этой секты не бывает случайностей. Система нерушимых преданий определяет ход каждого события. Такова среда, превратившая Ти Фамм и Нарцисса в зомби.

* * *

– Глядите на небо... И что там видите? – спросила Рашель, пристально глядя в бесконечную темень. Между нами дымился очаг, и в огненных бликах кожа девушки отсвечивала бронзой, и она смотрела на меня ласковей, чем раньше.

– Звёзды, когда они видны на небосклоне.

– В детстве отец водил меня в нью-йоркский планетарий. У вас над головой миллионы звёзд, а ваши астрономы насчитывают их даже больше... – Она поднялась и отступила в тень, роняя слова, словно искры в ночи.

– Глядите на здешнее небо. У нас звёзд немного, а в облачную погоду ещё меньше. Но за своими звёздами мы видим Бога, а вы только новую порцию звёзд.

Это внезапное замечание обнажило пропасть между мной и её народом, и мне стало грустно. Я обвёл взглядом склон и мерцающую огнями долину, следя за фонарным лучом, ко-

торый зигзагами карабкался на гребень скалы. Мне вспомнилась наша недавняя прогулка в обществе её отца. Мы поднялись на вершину, откуда была видна долина, выжженная солнцем дотла, марево поверх добела раскалённых камней, горстка узловатых деревьев в окружении вездесущей колючки.

Макс Бовуар глубоко вздохнул, словно само это зрелище причиняло ему невыразимую боль, что, скорей всего, так и было. Он блистал красноречием, пытаясь силою слова выжать каплю красоты из этой рукотворной пустыни. Там, где он видел ангелов, мне мерещилась только саранча, но кто из нас был ближе к истине?

Подобно большинству довольных жизнью людей, Бовуар достиг комфорта в среднем возрасте. Путь к нему был нелёгким. Покинув родные края ещё юношей, этот сын уважаемого врача очутился на улицах Нью-Йорка, затем в Сорбонне, и в конце концов оказался при дворе дагомейского короля. А через пятнадцать лет на Гаити вернулся инженер-химик с идеей выращивать сизаль для выработки кортизона.

Он уже высадил свой сизаль, как вдруг в судьбу резко вмешалась кончина его деда, который, будучи хунганом, успел рукоположить образованного внука в жреческий сан на смертном одре. Вскоре после инициации Бовуар отправился во второе путешествие, забросив коммерческие дела. Он исходил Гаити вдоль и поперёк, соблюдая обряды и беседуя с хранителями тайной и бережно хранимой традиции.

На сей раз паломничество длилось пять лет. Одиссея по родному краю завершилась обретением духовного отца, в чьём святилище он и сам был провозглашён хунганом. Оккультные обязанности супруга с энтузиазмом разделила его жена – милovidная художница из Франции, и, не столь охотно, две дочери, которых смущали насмешки одноклассников из-за верований их отца. Вначале они их стеснялись, а со временем его религия стала главным предметом их гордости.

– У прапрадеда по отцовской линии были зелёные глаза, – сообщила мне Рашель, снова присев у костра. – И золотые часы. Он приехал с востока на лошади, и всё его имущество помещалось в тыкве, которую он носил на шее. Он мог взять часы, откинуть зеркальную крышку и раствориться в воздухе.

Она мельком взглянула на меня, испытывая – верю я или нет.

– Обойдя всю страну, он решил бросить якорь в Петит-Ривьер-дель-Артибонит, где его считали важной персоной.

– Ещё бы, с такими часиками, – поддел я её.

– Часы могли сослужить службу, – улыбнулась Рашель. – Он был великим хунганом, и прожил очень долго, точно зная свой смертный час. Незадолго до смерти он роздал всё, что имел, и велел родным собраться. Они нашли его под старым деревом *ману*. Подзывая каждого внука по имени, в том числе и моего будущего деда, он что-то им говорил, а потом просто уехал.

– Куда?

– Этого никто не знает. Уложил к ое-какие вещи в сумку на седле, и поскакал. Говорят, будто бы в сторону Доминиканской республики.

– И это всё?

– Представь себе, всё. Неизвестно где родился и где умер.

Я взглянул на неё через пламя костра, но промолчал. Которую неделю мы с нею, словно двое слепых, пробираемся на ощупь по одной тропе, преследуя разные цели. Я охочусь за явлением, которое любит прятаться от излишнего внимания, в чьё существование едва ли верю сам, а она ищет своё место в жизни. Она молода и, осознавая это сама или же нет, балансирует меж двух миров – давящим на неё как бремя наследием предков и неведомой судьбой, которая ждёт её за океаном. С первого взгляда было ясно, что она не прочь отправиться в новые края. У Рашель в голове кишела уйма скороспелых и необдуманых мыслей, и среди них были хорошие и правильные, которые могли стать её достоянием, только если она откроет их истину для себя сама, ведь мысли – просто пустые разглагольствования, пока их состоятельность не подтверждена твоим опытом. В то же время мне хотелось предостеречь её от излишней смелости – достоянием Рашель была красота, которая могла стать мишенью недобрых сил, способных разрушить её жизнь. Но жалеть Рашель не позволяла её природная гордость. А поскольку ничего страшного пока не случилось, она вела себя с дерзостью особы, не зна-

ющей поражений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.